

Ольга Токарчук

Бегуны

Роман

Международный Букер 2018 года

Литературные хиты: Коллекция

Ольга Токарчук

Бегуны

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

Токарчук О.

Бегуны / О. Токарчук — «Эксмо», 2007 — (Литературные хиты: Коллекция)

ISBN 978-5-04-098520-3

Откуда мы родом? Откуда пришли сюда? Куда мы идем? В романе одного из самых оригинальных мировых писателей Ольги Токарчук размышления о путешествиях переплетаются с загадочными историями, связанными между собой темами смерти, движения, продлевания жизни и тайны человеческого тела. Мы все путники в этом мире: кто-то странствует с целью, кто-то без. Кто-то движется сквозь время, кто-то сквозь пространство. Что значит – быть путником, путешественником, бегуном? Загораживающий и потрясающий воображение роман Ольги Токарчук – настоящий шедевр.

УДК 821.162.1-31

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-04-098520-3

© Токарчук О., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Я существую	6
Мир в голове	7
Голова в мире	10
Синдром	13
Кунсткамера	14
Видеть значит ведать	15
Семь лет путешествия	17
Гадание по Чорану	18
Куницкий. Вода I	19
Benedictus, qui venit[20]	24
Паноптикум	25
Куницкий. Вода II	26
Везде и нигде	34
Аэропорты	35
Путешествие к истокам	37
Дорожная косметика	38
La mano di Giovanni Battista[31]	39
Оригинал и копия	40
Поезд трусливых	41
Покинутая квартира	43
Книга злодеяний	44
Путеводители	47
Новые Афины	48
«Википедия»	49
Граждане мира, за перо!	50
Психология путешествий Lectio brevis I[36]	51
Удачное время и место	53
Инструкция	54
Великопостная вечеря	55
Полярные экспедиции	63
Психология острова	64
Подчистка карты	65
Устремиться за ночью	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ольга Токарчук

Бегуны

Olga Tokarczuk
BIEGUNI/FLIGHTS

Copyright © Olga Tokarczuk, 2007

First published as Bieguni in Poland by Wydawnictwo Literackie, Kraków in 2007

© И. Адельгейм, перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Я существую

Я совсем маленькая. Сажу на подоконнике, вокруг разбросаны игрушки – опрокинутые башни из кубиков, куклы с вытаращенными глазами. В доме темно, воздух в комнатах медленно остывает, меркнет. Никого нет; все ушли, скрылись, вдали еще звучат голоса, шарканье, эхо шагов и приглушенный смех. За окном – пустой двор. Тьма мягко стекает с неба. Оседают повсюду черной росой.

Мучительнее всего неподвижность: густая, зримая – холодные сумерки и слабый свет натриевых ламп, что тонет во мраке уже в радиусе метра.

Ничего не происходит, надвигающаяся темнота замирает на пороге, предвечерний гомон стихает, застывает густой пенкой, словно на кипяченом молоке. Силуэты домов на фоне неба растягиваются до бесконечности, мало-помалу сглаживаются острые углы, края, изломы. Угасая, свет уносит с собой и воздух – становится душно. Теперь мрак просачивается сквозь кожу. Звуки свернулись клубочком, втянули внутрь улиточки глазки; распрощавшись, исчез в парке оркестр мира.

Этот вечер – кромка мира, я случайно, сама того не желая, нащупала ее во время игры. Обнаружила, ненадолго оставленная одна, без защиты. Я понимаю, что попала, ловушка захлопнулась. Совсем маленькая, я сажу на подоконнике, смотрю на остывший двор. Уже погас свет в школьной кухне, там никого нет. Бетонные плиты двора напитались мраком и растаяли. Закрыты двери, опущены шторы, задернуты занавески. Хочется выйти из дому, но некуда. Только контуры моего присутствия становятся все более четкими, дрожат, колыхнутся, причиняя мне боль. В мгновение ока я осознаю: пути назад нет, я – существую.

Мир в голове

Первое путешествие я совершила по полям, пешком. Исчезновение мое обнаружили не сразу, так что я успела зайти довольно далеко. Прошла весь парк, а потом – проселочными дорогами, через кукурузу и влажные луга, усыпанные калужницей, нарезанные на квадраты мелиорационными канавами, – добралась до самой реки. Впрочем, река в этой низине повсюду напоминала о своем присутствии, просачивалась сквозь травяной покров, облизывала поля.

Взобравшись на дамбу, я увидела движущуюся ленту, дорогу, уходившую за пределы кадра, за пределы мира. Если повезет, можно было увидеть баржи, большие плоские суда, которые скользили по реке – одни туда, другие обратно, не замечая берегов, деревьев, стоящих на дамбе людей, которые, вероятно, казались им изменчивыми, недостойными внимания ориентирами, свидетелями их исполненного грации движения. Я мечтала, когда вырасту, работать на такой барже, а еще лучше – самой в нее превратиться.

Река была невелика, всего-навсего Одра; но ведь и я в то время была маленькой. В иерархии рек она занимала свое место (позже я проверила по картам) – далеко не главное, но достойное, такая провинциальная виконтесса при дворе королевы Амазонки. Однако меня это устраивало, мне Одра казалась огромной. Она текла как хотела, уже давно никем не регулируемая, склонная к разливам, непредсказуемая. Местами, на мелководье, цеплялась за какие-то подводные препятствия, образуя водовороты. Струилась, шествовала, устремленная к недоступной взору цели, где-то далеко на севере. На ней невозможно было остановить взгляд – река увлекала его за линию горизонта, вызывая головокружение.

Одра не обращала на меня внимания – занятая собой, изменчивая, кочевая вода, в которую, как я узнала впоследствии, нельзя войти дважды.

Каждый год она взимала обильную дань за то, что таскала на своем хребте баржи: каждый год кто-нибудь в ней тонул – то ребенок, купавшийся в жаркий летний день, то пьяный, загадочным образом потерявший равновесие и, несмотря на ограждение, упавший с моста в воду. Поиски утопленников всегда были долгими, шумными и держали в напряжении всю округу. Прибывали водолазы и армейские моторки. Как следовало из подслушанных разговоров взрослых, тела находили раздувшимися и бледными – вода вымывала из них всю жизнь, смазывая черты лица настолько, что близкие с трудом опознавали трупы.

Стоя на дамбе, глядя в течение реки, я осознала, что – вопреки всем опасностям – движение всегда предпочтительнее покоя; перемены благороднее постоянства; обездвиженное неминуемо подвергнется распаду, выродится и обратится в прах, тогда как подвижное, возможно, пребудет вечно. В тот момент река иглой пронзила мой надежный устойчивый пейзаж – парк, теплицы, в которых застенчивыми рядками всходили овощи, бетонные плиты тротуара, на которых мы играли в классики. Проколола его насквозь, продырявила, обозначив вертикаль третьего измерения; детский мир обратился в резиновую игрушку, из которой со свистом выходил воздух.

Мои родители принадлежали к племени не вполне оседлому. Они не раз меняли место жительства, пока наконец не застряли в провинциальной школе, вдали от автострады и железной дороги. Путешествие начиналось сразу за околицей, достаточно было отправиться в соседний городок. Покупки, оформление документов в районной администрации, на рыночной площади перед ратушей – неизменный парикмахер в неизменном халате, тщетно застирываемом и отбеливаемом, потому что краска для волос оставляла на нем каллиграфические пятна, китайские иероглифы. Мама красила волосы, а отец ждал ее в кафе «Нова», на террасе с двумя столиками. Он читал местную газету, самой занимательной рубрикой которой всегда оказывались «Происшествия» – там сообщалось о похищенных из очередного подвала банках с повидлом и корнишонами.

Эти их отпускные экспедиции, опасливые, в битком набитой «Шкоде»! К поездкам долго готовились, планировали – вечерами, в канун весны, едва сойдет снег, но прежде, чем очнется земля; в ожидании, пока наконец она отдаст свое тело плугам и мотыгам, позволит себя оплодотворить и потом уж заставит родителей работать весь день напролет.

Они принадлежали к поколению, что странствовало с кемпинговым прицепом, волочило за собой временный дом. Газовую плитку, складные столики и стулья. Нейлоновую веревку – развешивать белье на стоянках, деревянные прищепки. Клеенки на стол, непромокаемые. Туристический набор для пикника: разноцветные пластиковые тарелки, приборы, солонки и рюмки. Где-то по дороге, на очередном блошином рынке, которые родители обожали посещать (если только не фотографировались на фоне какого-нибудь костела или памятника), отец купил армейский чайник – медную посудину с трубой внутри: бросаешь горсть щепочек и поджигаешь. И хотя в кемпингах можно было пользоваться электричеством, отец кипятил воду в этом чайнике, разводя дым и грязь. Садился на корточки возле горячего сосуда и с гордостью прислушивался к бульканью кипятка, которым заливал пакетики с чаем, – истинный кочевник.

Они останавливались в специально отведенных местах, на площадках кемпингов, всегда в обществе себе подобных, болтали с соседями, окруженные носками, что сушились на тросиках палаток. Прокладывали маршруты с помощью путеводителя, тщательно разрабатывая план развлечений. До обеда – купание в море или озере, после – паломничество в древний мир достопримечательностей, увенчанное ужином, который обычно готовился из консервов: гуляш, котлеты, фрикадельки в томатном соусе. Оставалось только сварить макароны или рис. Вечная экономия, хилый злотый, медный грошик мира. Искали места, где можно подключиться к электросети, потом нехотя собирались в дальнейший путь – никогда, правда, не выходящий за пределы метафизической домашней орбиты. Родители не были настоящими путешественниками, ведь они уезжали, чтобы вернуться. И возвращались с облегчением, с чувством выполненного долга. Возвращались к скопившимся на комоды письмам и счетам. К большой стирке. К украдкой позевывающим над фотографиями друзьям. Это мы в Каркалоне. Вот жена, на заднем плане – Акрополь.

Потом весь год они вели оседлый образ жизни – то дикийвинное существование, когда утром возвращаешься к делам, что были прерваны вечером, одежда пропитывается запахом собственной квартиры, а ноги неумоимо протаптывают тропку на ковре.

Это не для меня. Во мне, видимо, отсутствует ген, который позволяет укорениться в любом месте, едва остановившись. Я пробовала, но корни всякий раз оказывались слишком слабы, и малейший порыв ветра вырывал меня из земли. Я не умею пускать ростки, лишена этого растительного дара. Не питаюсь земными соками, я – анти-Антей. Мою энергию порождает движение – тряска автобусов, рокот самолетов, покачивание паромов и поездов.

Я удобна, невелика, компактна и хорошо оснащена. У меня маленький, нетребовательный желудок, сильные легкие, плоский живот и крепкие мышцы рук. Я не принимаю никаких лекарств, не ношу очки, не нуждаюсь в гормонах. Волосы стригу машинкой раз в три месяца, косметикой почти не пользуюсь. У меня здоровые зубы, может, не слишком ровные, но целые, всего одна старая пломба, кажется, в нижней левой шестерке. Печень – в норме. Поджелудочная – в норме. Почки, правая и левая, – в превосходном состоянии. Брюшной отдел аорты – в норме. Мочевой пузырь – правильной формы. Гемоглобин – 12,7. Лейкоциты – 4,5. Гематокрит – 41,6. Тромбоциты – 228. Холестерин – 204. Креатинин – 1,0. Билирубин 4,2 и так далее. Мой IQ – если считать, что это имеет значение, – 121; сойдет. Хорошо развитое пространственное воображение, почти эйдетическое¹, а вот латеризация² плохая. Профиль лич-

¹ Способность «видеть» образ предмета, несмотря на его фактическое отсутствие. При этом мысленный образ является точным отображением реальности, а не реконструкцией с использованием навыков памяти. Среди взрослых это умение встречается довольно редко, но относительно распространено у детей (примерно 5 % детей обладают эйдетическим воображением). (Здесь и далее – прим. пер.)

ности – неустойчивый, видимо, полагаться на него не стоит. Возраст – психологический. Пол – грамматический. Книги я покупаю, как правило, в мягком переплете, чтобы не жалко было оставить их на перроне, для других глаз. Ничего не коллекционирую.

Я окончила университет, но, по сути, никакой профессией не овладела, о чем очень сожалею; мой прадед ткал полотно, белил его – раскладывал на пригорке, подставлял палящим лучам солнца. Вот это по мне – сплести основу и уток, однако переносных ткацких станков не бывает, ткачество – ремесло оседлых народов. В дороге я вяжу. К сожалению, в последнее время некоторые авиакомпании запрещают брать на борт самолета спицы и крючок. Как уже говорилось, никакому делу я не обучена, и все же, несмотря на опасения родителей, мне удалось выжить, хватаясь то за одно, то за другое и ни разу не скатившись на дно.

Вернувшись в город после двадцатилетнего романтического эксперимента, утомленные засухами и морозами, здоровой едой, что всю зиму хворает в подвале, шерстью от собственных овец, старательно заталкиваемой в глотки подушек и одеял, родители выдали мне небольшую сумму, и я впервые отправилась в путь.

Я устраивалась на временную работу там, где оказывалась. На окраине мегаполиса собирала антенны для эксклюзивных яхт на интернациональной мануфактуре. Там было много таких, как я. Нанятых нелегально, без лишних расспросов о происхождении и планах на будущее. Зарплату выдавали в пятницу, и если что кого не устраивало – в понедельник можно было просто не приходить. Сюда стекались вчерашние школьники: между выпускными и вступительными экзаменами. Иммигранты с их вечной мечтой об идеальной, справедливой западной стране, где люди живут как братья и сестры, а сильное государство окружает их отеческой заботой; беглецы, удравшие от своих семейств – жен, мужей, родителей; несчастные влюбленные, рассеянные, меланхоличные и вечно зябнувшие. Должники, не выплатившие кредит и преследуемые законом. Бродяги, перекасти-поле. Психи, которых после очередного приступа безумия увозили в больницу, а оттуда – согласно невразумительным правилам – депортировали на родину.

Только один индус работал здесь постоянно, уже многие годы, но, честно говоря, его положение ничем не отличалось от нашего. У него не было медицинской страховки, ему не полагался отпуск. Он работал молча, терпеливо, размеренно. Никогда не опаздывал, никогда не просил отгулов. Я уговорила нескольких человек организовать профсоюз (то были времена «Солидарности») – хотя бы ради этого индуса, – но оказалось, что ему это не нужно. Растроганный моим вниманием, он каждый день угощал меня острым карри, которое приносил в судках. Сейчас я даже не помню, как его звали.

Я побывала официанткой, горничной в роскошном отеле и нянькой. Продавала книги, продавала билеты. На один сезон устроилась в маленький театр костюмершей и целую долгую зиму провела среди плюшевых кулис, тяжелых костюмов, атласных пелерин и париков. После университета я еще работала педагогом, консультантом в наркологическом центре, а в последнее время – библиотекаршей. Поднакопив немного денег, отправлялась дальше.

² Процесс, посредством которого различные функции и процессы связываются с одним или другим полушарием.

Голова в мире

Психологию я изучала в большом и мрачном коммунистическом городе, факультет занимал здание, где во время войны располагался штаб СС. Район выстроен на руинах гетто, и человек наблюдательный без труда заметит, что уровень земли здесь примерно на метр выше, чем везде в городе. Метр развалин. Мне всегда было там не по себе; среди многоэтажек и убогих скверов вечно гулял ветер, а морозный воздух казался особенно колючим, щипал лицо. Это место, хотя на нем стояли жилые дома, по сути, все еще принадлежало мертвецам. Здание факультета снится мне до сих пор – широкие, будто бы вырубленные в скале коридоры, отполированные множеством ног, стертые края ступеней, выглаженные ладонями перила, – следы, отпечатавшиеся в пространстве. Вероятно, поэтому к нам и наведывались призраки.

Когда мы запускали крыс в лабиринт, всегда находилась одна, которая опровергала своим поведением теорию и плевать хотела на наши хитроумные гипотезы. Она вставала на задние лапки, совершенно не интересуясь наградой на финише экспериментальной трассы; безразличная к привилегиям рефлекса Павлова, она обводила нас взглядом, а потом возвращалась обратно или же принималась неспешно обследовать лабиринт. Что-то искала в ответвлениях коридора, старалась привлечь к себе внимание. Растерянно пищала, и тогда девочки, нарушая инструкции, вытаскивали ее из лабиринта и держали в руках.

Мышцы мертвой распряленной лягушки сокращались и расслаблялись, повинаясь электрическим импульсам, но не так, как описывал учебник, а намекая на что-то: в движениях конечностей явственно читались угроза и издевка, опровергавшие святую веру в механическую непорочность физиологических рефлексов.

Нас учили здесь, что мир можно описать и даже объяснить с помощью простых ответов на умные вопросы. Что по сути своей он хаотичен и мертв, подчиняется нехитрым закономерностям, которые следует растолковать и наглядно представить – желательно с использованием диаграмм. От нас требовали проведения экспериментов. Формулировки гипотез. Их верификации. Нас посвящали в тайны статистики, полагая, что она поможет успешно справиться с описанием мироустройства и что девяносто процентов всегда перевесят пять.

Но сегодня я уверена в одном: ищущий порядка да бежит психологии. Лучше избрать физиологию или теологию, которые хотя бы способны обеспечить устойчивую почву под ногами – материю или дух, – чтобы не поскользнуться на психике. Психика – весьма туманный объект исследования.

Правы были те, кто утверждал, будто на факультет этот идут не ради будущей профессии, интереса или стремления нести людям помощь, – причина совсем иная, очень простая. Подозреваю, что все мы имели некий глубоко скрытый дефект, хотя, вероятно, производили впечатление умных и здоровых молодых людей – замаскировав, ловко закамouflировав свой изъян на вступительных экзаменах. Клубок эмоций, плотно переплетенных, свалившихся, – вроде тех диковинных опухолей, которые порой обнаруживаются в человеческом теле и которые можно увидеть в любом мало-мальски приличном патологоанатомическом музее. Но, вполне возможно, наши экзаменаторы были подобны нам и хорошо отдавали себе отчет в своих действиях. А следовательно, мы – их преемники. На втором курсе, изучая функционирование защитных механизмов и с восторгом открывая могущество этой сферы психики, мы начинали понимать, что без рационализации³, сублимации, вытеснения, без всех этих фокусов, кото-

³ Механизм психологической защиты, за счет которого в мышлении используется только та часть воспринимаемой информации и делаются только те выводы, благодаря которым собственное поведение предстает как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам. Термин был предложен З. Фрейдом, в дальнейшем понятие развила его дочь А. Фрейд.

рыми мы себя тешим – умей мы взглянуть на мир с открытым забралом, честно и бесстрашно, – умерли бы от разрыва сердца.

В процессе обучения мы узнали, что состоим из оборонительных сооружений, щитов и доспехов, подобны городам, чье архитектурное разнообразие ограничивается стенами, башнями да укреплениями, – этакое государство бункеров.

Все тесты, опросы и обследования мы опробовали друг на друге, и после третьего курса я была уже в состоянии назвать то, что меня беспокоило, – мне как будто открылось собственное сокровенное имя, используемое лишь для обряда инициации.

Я недолго занималась тем, чему меня обучили. В одной из поездок, застряв без гроша в большом городе и устроившись в гостиницу горничной, начала писать книгу. Это была повесть, которую хорошо читать в дороге, в поезде, – я словно бы писала ее для самой себя. Книга-тартинка – целиком умещается во рту, не приходится откусывать.

Мне удавалось хорошенько сосредоточиться и сконцентрироваться, на некоторое время обратившись в гигантское ухо, что прислушивается к шорохам, эху и шелесту; к далеким голосам, доносящимся откуда-то из-за стены.

Но я так и не стала настоящей писательницей или, лучше сказать, писателем – мужской род придает этому слову весомость. Жизнь вечно ускользала от меня. Я обнаруживала только ее следы, жалкие личиночные шкурки. Стоило мне засечь ее координаты, как она меняла местоположение. Я находила лишь знаки, вроде надписи на дереве в парке: «Здесь был я». На листе бумаги жизнь оборачивалась незаконченными историями, сновидческими новеллами, туманными сюжетами, зависала на горизонте вверх ногами или в поперечном сечении, не позволяя охватить целое.

Каждый, кто когда-либо пытался написать роман, знает, сколь мучителен этот труд – хуже занятия просто не придумаешь. Ты обречен на постоянное заточение внутри себя, в одиночной камере. Это контролируемый психоз, паранойя и мания, приспособленные к полезному делу, а потому лишенные перьев, турнюров и венецианских масок, по которым их можно было бы опознать, – скорее уж нацепившие фартук мясника и резиновые сапоги, с тесаком в руках. С такой писательской перспективы, как из подвала, видны разве что ноги прохожих, слышен стук каблучков. Порой кто-нибудь остановится, наклонится и заглянет внутрь, тогда есть шанс увидеть человеческое лицо и даже обменяться с незнакомцем парой фраз. Однако на самом деле разум занят игрой, которую ведет сам с собой в поспешно сооруженном паноптикуме, расставляет фигурки на эфемерной сцене: автор и герой, повествовательница и читательница, та, что описывает, и та, что описана; ноги, туфли, каблучки и лица случайных прохожих рано или поздно становятся частью этой игры.

Я не жалею, что выбрала это специфическое занятие, – профессия психолога не для меня. Я не умела истолковывать, выкликать из тьмы разума семейные фотографии. Чужие исповеди... Нередко – признаюсь с грустью – они навевали на меня скуку. По правде говоря, зачастую мне хотелось поменяться с пациентом ролями и рассказать о себе. Я с трудом удерживалась, чтобы внезапно не схватить его за рукав и не прервать на полуслове: «Да что вы! А у меня совершенно иное ощущение! А мне вот что приснилось! Послушайте...» Или: «Да что вы можете знать о бессоннице! Это, по-вашему, паническая атака? Вы, наверное, шутите. Вот я недавно такое пережила...»

Я не умела слушать. Выходила за рамки, совершала переносы⁴. Не доверяла статистике и апробированным теориям. На мой вкус, тезис «одна личность – один человек» отдает минимализмом. У меня была склонность затуманивать бесспорное, подвергать сомнению веские

⁴ Психологический феномен, заключающийся в бессознательном переносе ранее пережитых чувств и отношений, проявлявшихся к одному лицу, на другое лицо.

доказательства – привычка, извращенная йога для мозга, изысканная роскошь внутреннего движения. Подозрительное разглядывание всякой точки зрения, смакование ее и, наконец, предсказуемое открытие: ни одно суждение не есть истина, любое – фальшивка, подделка. Мне не хотелось обзаводиться твердыми взглядами: ненужный балласт. В спорах я становилась то на одну сторону, то на другую – и знаю, что собеседникам это не нравилось. Я замечала происходящее в моей голове странное явление: чем больше находилось аргументов «за», тем больше возникало всевозможных «против», и чем сильнее я прикипала душой к первым, тем сильнее влекли меня вторые.

Как я могла обследовать других, если сама мучилась с каждым тестом? Личностные опросники, анкеты, колонки вопросов и шкалы ответов казались мне слишком сложными. Я быстро обнаружила в себе этот изъян, поэтому в университете, когда мы, практикуясь, опрашивали друг друга, давала случайные ответы, наобум. В результате получались диковинные профили – кривые, вычерченные на оси координат. «Уверена ли ты, что лучшее решение – то, которое легче всего изменить?» Уверена ли я? Какое решение? Изменить? Когда? Насколько легче? «Войдя в комнату, ты остановишься в центре или сбоку?» В какую комнату? В какой момент? Пустая она, или вдоль стен стоят красные плюшевые диваны? А окна – какой из них открывается вид? Вопрос о книге: предпочту ли я книгу вечеринке, или это зависит от книги и от вечеринки?

Что за методы! Подразумевающие, что человек себя не знает, но стоит подсунуть ему хитроумный вопросник – и он тут же прозреет. Сам задаст себе вопрос и сам же на него ответит. По рассеянности выдаст самому себе тайну, о которой понятия не имеет.

И второй тезис, смертельно опасный: будто мы неизменны, а наши реакции – предсказуемы.

Синдром

История моих путешествий – не более чем история болезни. Синдром, которым я страдаю, вы без труда отыщете в любом справочнике клинических синдромов; как утверждают авторы медицинских трудов, в наши дни он встречается все чаще. Я бы рекомендовала старое (семидесятих годов) издание «The Clinical Syndromes»⁵. Это своего рода энциклопедия синдромов, а для меня – просто-таки неисчерпаемый источник вдохновения. Кто еще осмелится дать столь целостное, панорамное и объективное описание человека? Уверенно оперируя понятием личности? Претендуя на убедительную типологию? Полагаю, никто и никогда. Понятие синдрома идеально подходит для психологии путешествий. Синдром компактен, мобилен, не привязан к громоздкой теории, эпизодичен. Им можно воспользоваться для объяснения того или иного факта, а после – выбросить в мусорную корзину. Одноразовый инструмент познания.

Мой синдром именуется персеверативной⁶ детоксикацией. В буквальном, неприязательном переводе – настойчивое обращение сознания к определенным представлениям, вплоть до судорожного их поиска. Это разновидность Коэффициента злого мира (The Mean World Syndrome) – специфического инфицирования средствами массовой информации, в последние годы достаточно подробно описанного в литературе по нейропсихологии. Недуг сей носит, в сущности, весьма обывательский характер. Пациент проводит долгие часы перед телевизором, щелкая пультом и выискивая каналы с самыми страшными новостями: о войнах, эпидемиях и катастрофах. Завороженный этими картинками, человек не в силах оторваться от экрана.

Сами по себе эти симптомы не опасны и никак не мешают нормальному течению жизни – при условии сохранения дистанции. Этот досадный недуг неизлечим, науке в данном случае остается лишь с горечью констатировать сам факт наличия синдрома. Когда человек, утратившись себя самого, наконец попадает к психиатру, тот рекомендует ему уделить внимание «гигиене» жизни: отказаться от кофе и алкогольных напитков, хорошо проветривать спальню, заняться садоводством, вязанием или ткачеством.

Наблюдаемый у меня комплекс симптомов связан с тягой ко всему искаженному, несовершенному, дефектному, ущербному. Меня влекут погрешности в деле творения, небрежность форм, тупиковые пути. То, что по каким-то причинам осталось в зачаточном состоянии или, напротив, хватило через край. Все неправильное, слишком маленькое или слишком большое, перезревшее или недоразвитое, чудовищное и отталкивающее. Формы, не ведающие симметрии, множащиеся, нарастающие бока, ветвящиеся или, наоборот, отказавшиеся от разнообразия в пользу единства. Меня не интересуют события повторяющиеся, учтенные статистикой, обряды, вызывающие на лицах участников довольные фамильярные улыбки. Моя чувствительность носит характер тератологический⁷, монструозный. Меня не оставляет мучительная уверенность, что именно здесь выплескивается на поверхность и обнаруживает свою природу истинное бытие. Внезапное, случайное оголение. Стыдливое «чпок», краешек нижней юбки, выглядывающий из-под тщательно заутюженных складок. Уродливый металлический каркас, внезапно показывающийся из-под бархатной обивки; извержение пружины плюшевого кресла, бесстыдно обнажающее иллюзорность любой мягкости.

⁵ Клинические синдромы (англ.).

⁶ Персеверация (лат. *perseveratio* – настойчивость, упорство) – устойчивое повторение какой-либо фразы, деятельности, эмоции, ощущения.

⁷ Тератология (греч. *teras* – чудовище) – наука, изучающая врожденные уродства отдельных органов и целых организмов; стиль средневекового графического искусства, основанный на нагромождении чудовищно-фантастических образов.

Кунсткамера

Я никогда не была любительницей художественных галерей и, будь моя воля, охотно меняла бы их на кунсткамеры, где собрано и выставлено редкое и неповторимое, диковинное и жутковатое. Бытующее в тени сознания и исчезающее из поля зрения, едва обращаешь на него взгляд. Да, я наверняка страдаю этим проклятым синдромом. Меня привлекают не те коллекции, что экспонируются в центре города, а скромные больничные собрания, зачастую перенесенные в подвал как недостойные солидных витрин и выдающие сомнительные пристрастия прежних собирателей. Саламандра о двух хвостах в овальной банке, мордочкой кверху, ожидающая Судного дня, когда воскреснут наконец все препараты на свете. Почка дельфина в формалине. Череп овцы, аномалия чистой воды, двойной набор глаз, ушей и ртов, прекрасный, словно лик многозначного древнего божества. Человеческий плод, украшенный бусами и снабженный каллиграфической подписью: «Fetus Aethiopsis 5 mensium»⁸. Годами коллекционируемые капризы природы, двуглавые и безголовые, так и не рожденные, сонно плавающие в растворе формальдегида. Или Cephalothoracopagus Monosymmetro⁹, по сей день экспонируемый в музее в Пенсильвании: патологическая морфология плода с одной головой и двумя телами опровергает основы логики: $1 = 2$. И, наконец, трогательный домашний кулинарный препарат: яблоки урожая 1848 года, спящие в спирту, все диковинные, необычной формы; видимо, кто-то решил, что эти казусы заслуживают бессмертия и что вечно пребудет лишь уникальное.

Именно к этому я терпеливо продвигаюсь в своих странствиях, выискивая просчеты и осечки творения.

Я научилась писать в поездах, отелях и залах ожидания. На откидном столике в самолете. Я делаю пометки под столом во время обеда или в туалете. Пишу на музейной лестнице, в кафе, в машине, припаркованной на обочине. Записываю на клочках бумаги, в блокнотах, на почтовых открытках, на ладони, на салфетках, на полях книг. Чаще всего это короткие фразы, сценки, но иногда и выдержки из газет. Бывает, соблазнившись какой-нибудь выхваченной из толпы фигурой, я меняю свой маршрут и некоторое время следую за этим человеком, готовясь начать повествование. Метод хороший; я его совершенствую. С каждым годом мне, как всякой женщине, все больше помогает возраст – я сделалась невидима, прозрачна. Могу двигаться подобно привидению, заглядывать через плечо, подслушивать, как люди ссорятся, и наблюдать, как они спят, подложив под голову рюкзак, как разговаривают, не догадываясь о моем присутствии, только шевеля губами, формулируя слова, которые я собираюсь произнести от их имени.

⁸ Плод эфиопа пятимесячный (лат.).

⁹ Моносимметричный цефалоторакопаги (лат.).

Видеть значит ведать

Цель всякого моего паломничества – другой паломник. На сей раз дефектный, расчлененный.

Вот тут, например, собраны кости, но все до одной пораженные болезнью; искривленные позвоночники, полоски ребер явно извлечены из таких же искривленных тел, препарированы, высушены и вдобавок покрыты лаком. Крошечные циферки помогают отыскать описание болезни в почти истлевших инвентарных списках. Что такое бумажный век по сравнению с долголетием костей? Надо было писать прямо на костях.

Вот, к примеру, бедренная кость, которую кто-то, движимый любопытством, распилил вдоль, чтобы посмотреть, что сокрыто внутри. Вероятно, увиденное его разочаровало: он связал две половинки конопляной веревкой и, размышляя уже о чем-то другом, положил обратно под стекло.

В этой витрине – несколько десятков людей, незнакомых друг с другом, разделенных временем и пространством и теперь покоящихся в комфортабельной могиле, просторной, сухой и хорошо освещенной, обреченных на музейную вечность; им наверняка завидуют кости, уставшие от вечной борьбы с землей. Возможно, иные из них, кости католиков, тревожатся: как они отыщут друг друга на Страшном суде, как, разрозненные, вновь составят тело, совершавшее дурные и благие поступки?

Череп с наростами самого разного вида, простреленные, продырявленные, выщербленные. Косточки кисти, искореженные ревматизмом. Плечо, сломанное в нескольких местах, сросшееся как попало, неправильно; окаменелость многолетней боли.

Слишком короткие длинные кости и слишком длинные – короткие, изъеденные туберкулезом, словно источенные жучком.

Бедные человеческие черепа в подсвеченных викторианских витринах щерятся, демонстрируя челюсти. Вон у того, например, посреди лба здоровенная дыра, зато зубы красивые. Интересно, оказалось ли это отверстие смертельным. Необязательно. Одному человеку, инженеру-путейцу, пробило голову металлическим прутком, и он прожил с этой раной еще долгие годы, чем принес очевидную пользу нейробиологии, во всеуслышание заявлявшей, что наш мозг есть наше бытие. Тот инженер не умер, но очень изменился. По словам окружающих, стал совершенно другим человеком. Раз нашу суть определяет мозг, поскорее направимся к соответствующим витринам. Вот они! Кремовые актинии в растворе, большие и маленькие, гениальные и те, что не умели сложить два и два.

Однако дальше перед нами открывается отдел экспозиции, отведенный человеческим плодам. Куколки, фигурки; все такое миниатюрное, что человек целиком уместится в маленькой баночке. Самые младшие, эмбрионы, почти неразличимы – крошечные рыбки, лягушки, подвешенные на конском волосе в формалиновых просторах. Те, что побольше, демонстрируют строение человеческого тела, его чудесную оболочку. Крошки-недочеловеки, малыши-полугоминиды, их существование так и не преодолело магической грани потенциального. Обретая форму, они не доросли до духа – быть может, его наличие как-то зависит от размеров? Здесь материя с вялым упорством начала структурироваться в жизнь, собирать ткани, формировать группы органов, устанавливать связи между ними; вот уже заложена основа глаза и подготовлены легкие, хотя до света и воздуха далеко.

В следующем ряду те же органы, но уже зрелые, довольные, что обстоятельства позволили им обрести нужный размер. Нужный? Откуда им знать, до какого момента следует расти, когда остановиться? А вот некоторые как раз и не знали – эти кишки все росли и росли, ученные с трудом отыскивали подходящую банку. Еще труднее представить себе, как уместались они в животе того мужчины, что фигурирует на этикетке в виде инициалов.

Сердце. Все его тайны разгаданы окончательно – вот этот бесформенный предмет размером с кулак, грязно-кремовый. Это и есть цвет нашего тела, серо-кремовый, серо-коричневый, некрасивый – надо его запомнить. Мы бы не стали жить в комнате с такими стенами, не купили бы машину такого цвета. Это цвет нутра, темноты, места, которого не достигают солнечные лучи, влажного убежища, в котором материя прячется от чужих глаз, а следовательно, ей уже нет нужды играть на публику. Только кровь придает ей яркость; кровь призвана служить предостережением, ее красный цвет – сигнал тревоги, что раковина нашего тела оказалась вскрыта. Целостность тканей – нарушена.

На самом деле изнутри мы бесцветны. Если сердце как следует прополоскать от крови, именно так оно выглядит – словно комок слизи.

Семь лет путешествия

– Каждый год – одно путешествие, вот уже семь лет, с тех пор, как мы поженились, – рассказывал попутчик – молодой мужчина в длинном черном элегантном пальто, с твердым черным портфелем, напоминающим роскошный футляр для столовых приборов.

У нас множество фотографий, говорил он, все разложено по порядку. Южная Франция, Тунис, Турция, Италия, Крит, Хорватия и даже Скандинавия. Мужчина объяснил, что обычно они смотрят фотографии несколько раз: с родственниками, с коллегами, потом с друзьями, а затем снимки годами хранятся в неприкосновенности, упакованные в пластиковые конверты, словно улики в сейфе у следователя: что мы там побывали!

Он задумался и выглянул в окно, за которым бежали уже опоздавшие куда-то пейзажи. Возможно, задумался: а что, собственно, значит – «побывали»? Куда подевались те две недели во Франции, которые сегодня умещаются в пару воспоминаний: внезапное чувство голода у стен средневекового города и вечерние мгновения в ресторанчике под увитой виноградом крышей? Что сделалось с Норвегией? От нее остался лишь холод озерной воды да день, что никак не кончался, а еще радость, что успели купить пиво перед самым закрытием магазина, и впервые открывшийся ошеломительный вид фиорда.

– Увиденное мною принадлежит мне, – подытожил тот человек, внезапно оживившись, и звонко шлепнул себя по колену.

Гадание по Чорану

Другой человек, застенчивый и милый, в каждую командировку брал книгу Чорана, один из его сборников очень коротких текстов. В гостинице он всегда клал Чорана на тумбочку возле кровати, а проснувшись, сразу открывал наобум, в поисках формулы для наступающего дня. Он считал, что в европейских гостиницах Библию следует срочно заменить на Чорана. От Румынии до Франции. Мол, Библия для гадания уже не годится. Что нам с таких, к примеру, строк, откройся они по неосторожности в апрельскую пятницу или декабрьскую среду: «Все принадлежности скинии для всякого употребления в ней, и все колья ее, и все колья двора – из меди» (Исход 27:19). Как это понимать? Впрочем, почему обязательно Чоран? Поглядев на меня с вызовом, он предложил:

– Пожалуйста, назовите что-нибудь другое.

Мне ничего не приходило в голову. Тогда он вынул из рюкзака тонкий потрепанный томик, открыл наугад, и лицо его прояснилось.

– «Вместо того чтобы обращать внимание на лица прохожих, я посмотрел на их ноги, и суетливость всех этих людей оказалась сведенной к торопливым шагам, устремленным... куда? И мне показалось очевидным, что наше предназначение состоит в том, чтобы топтаться в пыли в поисках некой тайны, лишенной всякого серьезного значения»¹⁰, – прочитал он удовлетворенно.

¹⁰ Пер. О. Акимовой.

Куницкий. Вода I

Позднее утро; сколько точно времени, он не знает – не посмотрел на часы, – но вряд ли прошло больше пятнадцати минут. Он поудобнее устраивается на сиденье и прикрывает глаза; тишина пронзительна, словно высокий, навязчивый звук – не дает сосредоточиться. Он еще не понимает, что это сигнал тревоги. Отодвигает кресло подальше от руля и вытягивает ноги. Голова тяжелая, и тело поддается этой тяжести, сползает в белый нагретый воздух. Надо посидеть спокойно, подождать.

Он наверняка успел выкурить сигарету, а может, даже две. Через несколько минут вышел из машины и помочился в канаву. Кажется, мимо никто не проезжал, но теперь он уже не уверен. Потом вернулся в салон и попил воды из пластиковой бутылки. И только тогда забеспокоился. Резко посигналил, и оглушительный звук подхлестнул волну злости, которая почти привела его в чувство. С этого момента Куницкий помнит свои действия более отчетливо: он пошел вслед за ними по тропинке, рассеянно соображая, что скажет: «Чем ты здесь, черт возьми, занимаешься столько времени? Что еще за фокусы?»

Оливковая роща, совершенно высохшая. Трава шуршит под ногами. Среди выкрученных оливковых деревьев растет дикая ежевика; молодые побеги норовят выскользнуть на тропку и ухватить его за ногу. Повсюду мусор: бумажные платочки, мерзость женских прокладок, оккупированные мухами человеческие экскременты. Другие тоже останавливаются на обочине по нужде. Лень зайти поглубже в заросли, все спешат, даже здесь.

Нет ветра. Нет солнца. Белое неподвижное небо – словно полотнище палатки. Пáрит. Частички воды заполняют воздух, и повсюду ощущается запах моря – наэлектризованный, озоновый, рыбный.

Он замечает движение, но не там, среди деревьев, а здесь, под ногами. На тропинку выходит огромный черный жук; несколько секунд шевелит усиками, исследуя воздух, приостанавливается – наверное, обнаружил присутствие человека. Белое небо молочным пятном отражается в его безупречном панцире, и на мгновение Куницкому кажется, что с земли на него взирает диковинный глаз – существующий вне тела, своенравный и бесстрастный. Куницкий проводит носком сандалии по земле. Шелестя сухими травинками, жук перебегает тропку. Исчезает в ежевике. Всё.

Чертыхнувшись, Куницкий возвращается к машине и, пока идет, еще надеется, что она и мальчик уже там – вернулись каким-то окольным путем; ну разумеется, они вернулись, как же иначе? Он скажет: «Я вас уже битый час ищу! Что еще за фокусы, черт побери?»

Она сказала: «Остановись». Куницкий притормозил, она вышла и открыла заднюю дверцу. Отстегнула малыша, взяла его за руку, и они ушли. Куницкому не хотелось вылезать из машины, он вдруг почувствовал сонливость, усталость, хотя проехали они всего несколько километров. Он только взглянул на жену и сына – вскользь, рассеянно, он ведь не знал, что надо смотреть внимательно. Теперь Куницкий пытается восстановить ту смазанную картинку, навести ее на резкость, увеличить и сохранить в памяти. Он видит их со спины – вот они шагают по шуршащей тропке. Жена, кажется, в светлых полотняных брюках и черной майке, малыш – в трикотажной футболке со слоником, но это он помнит потому, что утром сам одевал сына. Они разговаривают, слов не разобрать, он ведь не знал, что надо прислушиваться. Жена и сын исчезают среди олив. Куницкий не знает, сколько прошло времени, но не очень много. Четверть часа, может, чуть больше, он теряется, он ведь не смотрел на часы. Не знал, что надо следить за временем. Куницкий терпеть не может этот ее вопрос: «О чем ты думаешь?» «Ни о чем», – отвечал он, а жена не верила. Говорила, что так не бывает, обижалась.

А вот и бывает – Куницкий испытывает своего рода удовлетворение: он и в самом деле может ни о чем не думать. Умеет.

Однако потом он вдруг останавливается посреди ежевичных зарослей, замирает, словно его тело, потянувшись к корневищу ежевики, случайно обрело новый центр тяжести. Тишине аккомпанируют жужжание мух и шум в голове. На мгновение Куницкий видит себя сверху: мужчина в брюках сафари, в каких ходят все туристы, и белой рубашке, с небольшой лысиной на макушке, среди островков зарослей, посторонний, гость в чужом доме. Человек, стоящий под обстрелом, забытый во время краткого перемирия в поединке раскаленного неба и запекшейся земли. Куницкого охватывает страх; ему хочется поскорее укрыться, спрятаться в машине, но тело не слушается – он не может шевельнуть ногой, не может сдвинуться с места. Сделать шаг – он и не подозревал, что это так трудно; электрическая цепь разорвана. Нога в сандалии – якорь, удерживающий его на земле, – за что-то зацепился. Сделав сознательное усилие, недоумевающий Куницкий приводит ногу в движение. Иначе ему не вырваться из этого разогретого бесконечного пространства.

Они приехали 14 сентября. Паром из Сплита был полон – много туристов, но больше местных. Они ездят на материк за покупками – там дешевле. Острова не слишком плодородны. Распознать туристов несложно: едва солнце начало неотвратно клониться к воде, они все столпились на правом борту и нацелили свои объективы. Паром медленно проплывал мимо многочисленных островков, потом Куницкому вдруг показалось, что они вышли в открытое море. Неприятное ощущение, краткий момент паники, как будто чуть понарошку.

Они легко отыскали свой пансион под названием «Посейдон». Хозяин, бородач Бранко, в футболке с изображением морской раковины, перешел на «ты» и, панибратски похлопывая Куницкого по плечу, проводил их с женой на второй этаж узкого каменного дома, стоявшего на самом берегу, и с гордостью показал апартаменты. В их распоряжении – две спальни и маленькая угловая кухня с традиционным гарнитуром из ламинированного ДСП. Окна выходят на пляж и открытое море. Под одним из окон как раз расцвела агава – цветок, венчающий мощный стебель, триумфально возносился над водой.

Куницкий достает карту острова и мысленно перебирает варианты. Она могла заблудиться и просто выйти к шоссе в другом месте. Теперь, небось, ждет его где-нибудь, а может, остановит попутку и поедет – куда? Судя по карте, шоссе извилистой линией проходит через весь остров: можно кататься по кругу, не выезжая к морю. Именно так они осматривали Вис¹¹ несколько дней назад. Куницкий кладет карту на пассажирское сиденье, на сумочку жены, и трогается. Едет медленно, высматривая их среди олив. Но через несколько километров пейзаж меняется: вместо оливковой рощи – каменистые пустоши, поросшие выгоревшей травой и ежевикой. Белые известковые камни щерятся, словно огромные зубы, выпавшие из пасти какого-то дикого существа. Куницкий проезжает пару километров и возвращается. Теперь справа от него – неправдоподобно зеленые виноградники и, изредка, маленькие каменные сарайчики для инструментов – пустые и мрачные. В лучшем случае она заблудилась – а вдруг потеряла сознание, она сама или малыш, ведь сейчас так душно и жарко? Может, им нужна помощь, а он, вместо того чтобы действовать, разъезжает по шоссе. Ну да, какой же он дурак, что только теперь подумал об этом. Сердце у Куницкого начинает биться сильнее. Может, у нее солнечный удар. Или нога сломана.

Он возвращается на прежнее место и несколько раз сигналиит. Проезжают две машины с немецкими номерами. Сколько прошло времени? Около полутора часов, значит, паром уже

¹¹ Остров и одноименный город в Хорватии.

ушел. Заглотнул машины, закрыл ворота и двинулся в море – мощный белый корабль. С каждой минутой их разделяет все более широкая полоса равнодушного моря. Куницкому чудится что-то недоброе, от чего пересыхает во рту, что-то, ассоциирующееся с этим мусором на обочине, с мухами и человеческими отходами. Теперь ему все ясно. Они пропали. Исчезли, оба. Куницкий уже понимает, что не найдет их среди олив, но все равно бежит туда по сухой тропке и кричит, не надеясь услышать ответ.

Пора послеобеденной сиесты, городок почти пуст. На пляже, у самой дороги, три женщины запускают синего воздушного змея. Паркуясь, Куницкий отлично их видит. На одной – светлые кремовые брюки, обтягивающие толстые ягодицы.

Бранко он обнаруживает за столиком небольшого кафе. С ним двое мужчин. Они пьют пелинковац¹² – со льдом, точно виски. Увидев Куницкого, Бранко удивленно улыбается.

– Что-то забыл? – спрашивает хозяин.

Мужчины пододвигают ему стул, но Куницкий не садится. Он хочет рассказать все по порядку, переходит на английский, одновременно, словно бы другой частью мозга, соображая – как в кино, – что полагается делать в подобных ситуациях. Говорит, что они пропали – Ягода и малыш. Говорит когда и где. Говорит, что искал, но не нашел. Тогда Бранко спрашивает:

– Вы поссорились?

Куницкий отвечает, что нет, это правда. Двое мужчин допивают пелинковац. Куницкий бы тоже не отказался. Он ощущает во рту сладковато-пряный вкус. Бранко медленно берет со стола пачку сигарет и зажигалку. Мужчины тоже встают – медленно, словно собираясь с силами перед боем, а может, им просто хочется посидеть еще в тени маркизы. Вся троица готова ехать на место происшествия, но Куницкий настаивает, чтобы сначала сообщили в полицию. Бранко колеблется. Его черная борода простегана лучиками седых волос. На желтой футболке – красная ракушка и надпись «Shell».

– А может, она на море пошла?

Может, и пошла. Решено: Бранко и Куницкий вернутся на шоссе, двое остальных пойдут в полицию – звонить в Вис. Бранко объясняет, что в Комиже только один полицейский, а настоящее отделение – в Висе. На столике остаются стаканы, в них тает лед.

Куницкий без труда находит тот маленький пяточок у обочины, где он тогда остановился. Ему кажется, что это было сто лет назад, время теперь течет иначе – густое и терпкое, состоящее из ряда эпизодов. Из-за белых туч выглядывает солнце, вдруг становится жарко.

– Погуди, – говорит Бранко, и Куницкий сигналил.

Звук протяжный, жалобный, словно голос какого-то зверя. Он затихает и раскалывается на крошечные эха цикад.

Время от времени перекликаясь, Бранко с Куницким идут по зарослям олив. Встречаются они только у виноградника и, мгновение посовещавшись, решают поискать здесь. Шагают в тени лоз, окликая пропавшую женщину: «Ягода, Ягода!» Куницкий вдруг осознает значение имени жены, он совсем забыл о нем, но теперь ему кажется, будто все это какой-то древний ритуал, таинственный, гротескный. С лоз свисают набухшие темно-фиолетовые грозди – извращенно-многократно умноженные соски, а он плутает в лиственных лабиринтах, выкрикивая: «Ягода, Ягода». К кому он обращается? Кого зовет?

Куницкий на мгновение останавливается – закололо в боку; стоя между рядами виноградных лоз, он сгибается пополам. Погружает голову в тенистую прохладу, голос Бранко, приглушенный листвой, затихает, и теперь Куницкий слышит жужжание мух – привычную основу ткани тишины.

¹² Горькая настойка на полыни и других травах.

За этим виноградником начинается следующий, отделенный всего лишь узкой тропкой. Куницкий и Бранко останавливаются, Бранко звонит по мобильному. Он повторяет два слова – «žena» и «djete»¹³, ничего больше Куницкому разобрать не удастся. Солнце делается оранжевым; огромное, опухшее, оно слабеет на глазах. Еще мгновение – и можно будет заглянуть ему в лицо. Теперь виноградники приобретают насыщенный темно-зеленый цвет. Две беспомощные фигурки стоят в этом зеленом полосатом море.

К наступлению сумерек на шоссе уже несколько автомобилей и группа мужчин. Куницкий сидит в машине с надписью «Полиция» и с помощью Бранко отвечает на сумбурные, как ему кажется, вопросы крупного потного полицейского. Говорит он на простом английском. «We stopped. She went out with her child. They went right, here»¹⁴, – он машет рукой. – I was waiting, let's say, fifteen minutes. Then I decided to go and look for them. I couldn't find them. I didn't know what has happened»¹⁵. Куницкому дают тепловатой минеральной воды, он жадно пьет. – «They are lost»¹⁶. И еще раз повторяет: «lost»¹⁷. Полицейский звонит куда-то по мобильному. «It is impossible to be lost here, my friend»¹⁸, – говорит он Куницкому. Потом отзывается рация. Только через час они неровной цепью трогаются в глубь острова.

Распухшее солнце тем временем опускается на виноградники, а к тому моменту, когда они добираются до вершины холма, оранжевый диск уже касается моря. Они оказываются невольными свидетелями этого по-театральному торжественного заката. Наконец зажигаются фонари. Уже в темноте группа выходит на высокий, обрывистый берег – они проверяют две из множества маленьких бухточек; там стоят каменные домики – жилище наиболее эксцентричных туристов, избегающих отелей и готовых доплатить за отсутствие проточной воды и электричества. Готовят они на каменных плитах, некоторые привозят газовые баллоны. Ловят рыбу – прямо из моря та попадает на решетку гриля. Нет, женщину с ребенком никто не видел. Люди собираются ужинать – на столах появляются хлеб, сыр, оливки и несчастная рыба, еще сегодня днем предававшаяся своим бездумным морским занятиям. Время от времени Бранко звонит в Комижу, в пансион – по просьбе Куницкого, которому кажется, что жена просто заблудилась и разминувшись с ним. Но после каждого звонка Бранко лишь похлопывает его по плечу.

Около полуночи Куницкий замечает, что группа мужчин поредела, среди оставшихся он видит тех мужчин, что сидели с Бранко за столиком. Теперь, на прощание, они представляются: Драго и Роман. Все идут к машине. Куницкий благодарен им за помощь, но не знает, как это выразить, – забыл, как будет по-хорватски «спасибо»; наверное, что-нибудь вроде «дякую», «дякуе», как-то так. Собственно, при большом желании они могли бы все вместе разработать некий славянский койне¹⁹, набор схожих славянских слов первой необходимости, используемый без грамматики, – вместо того чтобы барахтаться в неловкой, упрощенной версии английского.

Ночью к его дому подплывает лодка. Жителей эвакуируют: наводнение. Вода поднялась уже до второго этажа. Просачивается через щели между кафельными плитками кухни, теплыми струйками вытекает из розеток. Разбухают от влаги книги. Куницкий открывает одну и видит, что буквы стекают, словно макияж, оставляя после себя пустые мутные страницы. Оказывается, все уже уплыло, остался только он.

¹³ Жена (женщина), ребенок (хорв.).

¹⁴ Мы остановились. Она вышла вместе с ребенком. Они пошли направо, сюда (англ.).

¹⁵ Я ждал минут пятнадцать. Потом я решил пойти поискать их. Я не смог их найти. Я не знал, что случилось (англ.).

¹⁶ Они потерялись (англ.).

¹⁷ Потерялись (англ.).

¹⁸ Здесь невозможно потеряться, дружище (англ.).

¹⁹ Язык повседневного общения носителей родственных языков или диалектов, возникший на основе наиболее распространенного из них и вобравший черты других языков или диалектов.

Сквозь сон Куницкий слышит перестук лениво капающей с неба воды, в следующее мгновение превращающейся в короткий сильный ливень.

Benedictus, qui venit²⁰

Апрель на автострате, полосы красного солнца на асфальте, мир, тщательно глазурированный недавним дождем, – пасхальный кулич. Я еду на машине, страстная пятница, сумерки, то ли Бельгия, то ли Голландия – точно сказать не могу, потому что границы нет: никому не нужная, она совершенно стерлась. По радио передают «Реквием». Вторя «Benedictus», вдоль автостраты загораются фонари, словно спешат узаконить нечаянно снизошедшее на меня по радио благословение.

На самом деле это могло значить только одно: я уже на территории Бельгии, в которой, на радость путешественникам, все автостраты освещаются.

²⁰ Благословен идущий (*лат.*). «Benedictus» – католическое песнопение, раздел мессы (полностью: «Benedictus qui venit in nomine Domini» – «Благословен грядущий во имя господне»).

Паноптикум

Паноптикум и вундеркамера – прочитала я в путеводителе по музею – предшественники музеев. Выставки всевозможных курьезов, привезенных из дальних и ближних путешествий.

Однако не будем забывать, что паноптикумом Бентам назвал свою гениальную систему охраны узников²¹; он стремился конфигурировать пространство таким образом, чтобы каждый заключенный всегда оставался в зоне видимости.

²¹ Иеремия Бентам (1748–1832) – английский философ, занимавшийся вопросами этики, политической экономии, государства, права и пенитенциарии. Бентам предлагал реформировать пенитенциарную политику таким образом, чтобы с минимальными расходами добиться «устрашения» и даже «исправления» преступников. С этой целью он разработал проект «образцовой» тюрьмы – паноптикума, где один стражник мог наблюдать сразу за многими заключенными в камерах, расположенных вокруг его «рабочего места».

Куницкий. Вода II

– Остров не так уж велик, – говорит утром Джурджица, жена Бранко, и наливает Куницкому густого крепкого кофе.

Все повторяют это, словно мантру. Куницкий понимает, что они хотят сказать, он и сам знает, что остров слишком мал, чтобы на нем можно было заблудиться. В длину чуть более десяти километров, всего два крупных населенных пункта – города Вис и Комижа. Их можно обшарить – тщательно, сантиметр за сантиметром, словно ящик письменного стола. Да и жители обоих городков хорошо знают друг друга. Ночи теплые, винограда много, и инжир уже почти созрел. Даже если Ягода с малышом заблудились, ничего с ними не случится: от голода или холода они не погибнут, дикие звери здесь не водятся. Переночуют под оливой, на сухой, прогретой солнцем траве, под сонный шум волн. До дороги из любой точки – не больше трех-четырех километров. На полях стоят каменные домики с бочками для вина, виноградными прессами, в некоторых имеются даже съестные припасы и свечи. На завтрак съедят кисть зрелого винограда или раздобудут что-нибудь у отдыхающих, в одной из бухточек.

Они спускаются к отелю, где уже ждет полицейский, но не вчерашний, а другой, помладше. Мгновение Куницкий надеется, что он принес хорошие вести, но полицейский лишь просит показать паспорт. Он тщательно переписывает данные, говорит, что Ягodu с малышом будут искать и на материке, в Сплите. И на соседних островах.

– Она могла идти по берегу, – объясняет полицейский.

– У нее не было денег. No money²². Всё здесь, – Куницкий показывает сумочку жены и вынимает оттуда кошелек – красный, расшитый бусинками. Открывает и показывает полицейскому. Тот пожимает плечами и переписывает их адрес в Польше.

– Сколько лет ребенку?

– Три, – отвечает Куницкий.

Они снова едут по серпантину на то место, день обещает быть жарким и ясным, засвеченным, словно фотопленка. В полдень с нее исчезнут все изображения. Куницкому приходит в голову, что хорошо бы поискать сверху, с вертолета, ведь остров совершенно гол. Еще он думает о чипах, которые вживляют животным, перелетным птицам, аистам и журавлям, а людям почему-то нет. Вот бы всем такой чип, ради нашей же безопасности – тогда через Интернет можно было бы отслеживать каждое движение: траектории, места отдыха, блуждание. Скольких смертей удалось бы избежать! Куницкий представляет себе картинку на мониторе: вычерчиваемые людьми цветные черточки, сплошные линии, пунктиры. Круги и эллипсы, лабиринты. А может, бесконечные восьмерки, неудавшиеся, внезапно прерванные спирали.

Приводят собаку, черную овчарку; дают ей понюхать свитер Ягоды, лежавший на заднем сиденье. Пес обследует землю вокруг машины, потом идет по тропинке между оливами. Куницкий вдруг оживает: вот, сейчас все выяснится. Люди бегут следом за собакой. Овчарка замирает там, где Ягода с малышом, видимо, остановились по нужде, хотя никаких следов не видно. Пес стоит, довольный собой. Но этого мало, пес! Где люди, куда они пошли?! Овчарка не понимает, чего от нее добиваются, но идет дальше, медленно, в сторону, параллельно шоссе, удаляясь от виноградников.

– Значит, она пошла вдоль дороги, – думает Куницкий, – должно быть, по ошибке. Может, вышла на шоссе дальше и ждала его в нескольких сотнях метров отсюда? Но ведь он сигнализировал – неужели она не слышала? А дальше что? Может, кто-нибудь их подвез, но раз

²² Нет денег (англ.).

они не появились в пансионе, то куда этот кто-то мог их увезти? Кто-то. Смутная, расплывчатая фигура, широкие плечи. Мощный затылок. Похищение. Оглушил и спрятал в багажнике? Потом на пароме перевез на материк, теперь они в Загребе или Мюнхене, а может, еще где-нибудь. Но как ему удалось провезти два тела через границу?

Но тут пес сворачивает к протянувшемуся наискосок от дороги заросшему оврагу, длинному кремнистому пролому, сбегает по камням вниз. Там начинается старый заброшенный виноградник, совсем небольшой; они видят похожий на киоск каменный домик, крытый старым шифером. Перед дверью лежит кучка сухой виноградной лозы – видимо, ее собирались сжечь. Овчарка кружит вокруг дома, потом возвращается к двери. Однако домик, как ни удивительно, заперт на висячий замок. Ветром к порогу нанесло щепок. Сюда явно никто не заходил. Полицейский смотрит в грязное окошко, потом раскачивает его, сильнее и сильнее, наконец высаживает. Все заглядывают внутрь, в ноздри бьет вездесущий запах затхлости и моря.

Шумит рация, собаке дают попить, снова велют понюхать свитер. Теперь овчарка трижды обегает дом, возвращается на дорогу и нерешительно идет к голым, лишь кое-где поросшим сухой травой скалам. С обрыва видно море. Там стоят остальные спасатели. Лицом к морю.

Собака теряет след, бежит обратно, наконец ложится посреди тропки.

– То је зато јер је по ноћи padala kiša²³, – говорит кто-то по-хорватски, и Куницкий без труда понимает, что речь идет о ночном дожде.

Появляется Бранко, приглашает его на поздний ланч. Полиция остается на месте происшествия, а они едут в Комижу. Почти всю дорогу молчат. Куницкий догадывается, что Бранко, вероятно, не знает, что сказать, да еще на чужом языке, по-английски. Ну и ладно, так даже лучше. В ресторане на берегу моря они заказывают жареную рыбу; собственно, это не ресторан, а кухня, которую держат знакомые Бранко. Все тут – его знакомые, они даже чем-то похожи друг на друга – более резкие черты лица, словно бы исхлестанные ветром, племя морских волков. Бранко наливает Куницкому вина, уговаривает выпить. Сам тоже залпом опрокидывает стакан. Сам платит по счету. Раздается звонок.

– They manage to get a helicopter, an airplane. Police²⁴, – сообщает Бранко.

Они договариваются пройти на лодке Бранко вдоль берега. Куницкий звонит в Польшу, родителям, слышит привычно хрипловатый отцовский голос, объясняет, что им придется задержаться еще на три дня. В чем дело, не объясняет. Мол, все в порядке, просто придется задержаться. Еще он звонит на работу и просит на три дня продлить отпуск: возникли небольшие проблемы. Почему именно три, он и сам не знает.

Куницкий ждет Бранко на пристани. Тот появляется в своей футболке с красной раковиной, но это другая футболка, свежая, чистая, – видимо, у него таких несколько. Среди пришвартованных лодок они находят маленький катер. Голубые буквы, не слишком искусно выведенные на борту, сообщают имя судна – «Нептун». Тогда Куницкий вспоминает, что паром, на котором они сюда приплыли, назывался «Посейдон». Тут многое – бары, магазины, лодки – именуется Посейдоном. Или Нептуном. Оба имени море выбрасывает на берег, словно ракушки. Интересно, какая у них с этим богом договоренность насчет авторских прав? Чем они ему платят?

Они садятся на катер, маленький и тесный, скорее это даже моторка с кое-как сколоченной дощатой каютой. Бранко держит там бутылки, с водой и пустые. И белое вино со своего виноградника – хорошее, крепкое. У всех тут виноградники и свое вино. Бранко вытаскивает из каюты мотор, ставит. Заводится он с третьей попытки, теперь приходится кричать. Шум

²³ Это потому, что ночью шел дождь (хорв.).

²⁴ Они могут раздобыть вертолет, самолет. Полиция (англ.).

невообразимый, но через несколько секунд мозг привыкает к нему, словно к плотной зимней одежде, отъединяющей тело от окружающего мира. Этот грохот постепенно обволакивает все уменьшающуюся картинку залива и порта. Куницкий видит дом Бранко, даже окна кухни и цветок агавы, отчаянно выстреливающий в небо – окаменевшим фейерверком, триумфальной эякуляцией.

Все на глазах съеживается и сливается: дома – в темную кривую, порт – в белое расплывчатое пятно, простеганное черточками мачт; зато над городком вырастают горы – голые, серые, с зелеными пятнышками виноградников. Они растут, становятся огромными. Изнутри, с шоссе, остров казался маленьким, теперь видна его мощь: монументальная трапедия скал, торчащий из воды кулак.

Они поворачивают налево и выходят из бухты в открытое море, отсюда берег кажется обрывистым, опасным.

Единственный источник движения – белые гребни волн, бьющихся о скалы, и потревоженные лодкой птицы. Когда Бранко заводит мотор, испуганные птицы исчезают. Еще – вертикаль реактивного самолета, разрывающая небо на два полотнища. Самолет летит на юг.

Они плывут дальше. Бранко закуривает две сигареты и протягивает одну Куницкому. Курить неудобно, из-под носа лодки летят, обрызгивая все вокруг, крошечные капельки воды.

– На воду смотри! – кричит Бранко. – На все, что плавает на поверхности!

Уже приближаясь к бухте с пещерой, они замечают вертолет – он летит в противоположном направлении. Бранко встает, машет руками. Куницкий смотрит на вертолет, он почти счастлив. Остров небольшой – думает он в сотый раз, – от взгляда гигантской механической стрекозы ничто не укроется, все видно, как на тарелке.

– Поплыли к «Посейдону», – кричит Куницкий Бранко, но тот колеблется.

– Там нет прохода, – выкрикивает он в ответ.

Однако катер поворачивает и замедляет ход. Заглушив мотор, они проплывают между двумя скалами.

Эта часть острова тоже должна называться «Посейдон», как и все тут, думает Куницкий. Здесь бог собственноручно возвел храмы во славу себя самого: нефы, подземные крипты, колонны и хоры. Линии непредсказуемы, ритм неправильный, неровный. Черные магмовые скалы блестят от воды, словно покрыты каким-то редким темным металлом. Сейчас, в сумерках, эти конструкции пронзительно печальны, это квинтэссенция одиночества – здесь никто никогда не молился. Куницкому вдруг приходит в голову, что он видит прообраз людских соборов: именно сюда следует водить экскурсии, прежде чем отправляться в Реймс и Шартр. Он хочет поделиться своим открытием с Бранко, но слишком шумно, чтобы говорить. Появляется другая лодка, побольше, с надписью: «Полиция. Сплит». Она идет вдоль крутого берега. Судна сближаются, Бранко разговаривает с полицейскими. Ничего не нашли, никаких следов. Такой вывод, во всяком случае, делает Куницкий, потому что рокот мотора заглушает голоса. Видимо, они понимают друг друга по движениям губ и едва заметному беспомощному пожатию плечами, плохо сочетающемуся с белыми полицейскими рубашками и погонами. Полицейские знаками велют возвращаться: вот-вот стемнеет. Куницкий слышит только это слово: «Возвращайтесь». Бранко жмет на газ, раздается звук, похожий на взрыв. Вода словно бы застывает, затем от лодки расходятся волны, мелкие, точно мурашки на теле.

Возвращение на остров происходит совершенно иначе, чем днем. Сначала становятся видны искрящиеся огни, которые, постепенно расступаясь, образуют ряды. В опускающейся тьме они растут, разделяются, обнаруживая различия: одни оказываются огоньками пришвартованных на набережной яхт; другие – освещенными окнами домов; третьи – неоновыми вывесками; четвертые – подвижными автомобильными фарами. Безопасная картина одомашненного мира.

Наконец Бранко глушит мотор, и лодка пристает к берегу. Днище вдруг скребет по камням – они приплыли на маленький городской пляж, у самого отеля, далеко от пристани. Теперь Куницкий догадывается почему. У причала, почти на пляже, стоит полицейская машина, двое мужчин в белых рубашках явно поджидают их.

– Видимо, хотят с тобой поговорить, – говорит Бранко и бросает якорь. Куницкий вдруг чувствует дурноту, он боится того, что может услышать. Вдруг они нашли тела. Вот что его пугает. На подгибающихся ногах он подходит к полицейским.

Слава богу, это простая формальность. Нет, ничего нового полиция не выяснила. Однако история затягивается, дело, похоже, серьезнее, чем они думали поначалу. Куницкого все по тому же, единственному на острове, шоссе везут в Вис, в отделение полиции. Уже совсем темно, но полицейские, видимо, хорошо знают дорогу, потому что на поворотах даже не сбавляют скорость. Пронесаются мимо того места.

В отделении Куницкого ждут новые лица. Переводчик, высокий красивый мужчина, польским владеющий, мягко говоря, не слишком хорошо, – его специально привезли из Сплита – и офицер. Они как-то равнодушно задают дежурные вопросы, и Куницкий понимает, что стал одним из подозреваемых.

Полицейская машина подвозит его к самому пансиону. Куницкий делает вид, что собирается войти внутрь. Однако он только притворяется. Стоя в темном коридорчике, ждет, пока они отъедут, пока затихнет шум мотора, и снова выходит на улицу. Идет к самому большому скоплению огней, к приморскому бульвару, где сосредоточены все кафе и рестораны. Пятница, но уже поздно, час ночи, а то и два, народу мало. Среди редких посетителей Куницкий взглядом ищет Бранко, но не находит – нигде не видно футболки с изображением ракушки. Итальянцы, многочисленное семейство, уже заканчивающее трапезу, пожилая пара – потягивая через соломинку какой-то напиток, супруги рассматривают шумную итальянскую компанию. Две блондинки, погруженные в беседу, доверительно склонившиеся друг к другу. Местные, рыбаки, еще одна пара. Как хорошо, что никто не обращает на него внимания... Куницкий идет по краю тени, у самой набережной, ощущая запах рыбы и теплое, соленое дуновение морского ветра. Ему хочется свернуть в одну из улочек, поднимающихся в гору, к дому Бранко, но он не смеет – там, небось, уже все спят. Поэтому Куницкий присаживается за крайний столик. Официант его игнорирует.

Куницкий рассматривает мужчин, устраивающихся за соседним столиком. Их пятеро, приходится поставить еще один стул. Прежде чем подойдет официант, прежде чем будут заказаны коктейли, они уже связаны невидимыми ниточками.

Разного возраста, двое – с густой бородой, но все различия моментально тают в том кругу, который невольно образует эта компания. Мужчины разговаривают, но дело не в словах – такое ощущение, будто они собираются петь хором, пробуют голоса. Пространство внутри круга заполняется смехом – анекдоты, даже всем известные, не раздражают, а веселят. Басистый смех вибрирует, окутывает все вокруг и заставляет умолкнуть сидящих за соседним столиком туристов – вид у этих немолодых женщин вдруг делается испуганный. Смех привлекает любопытные взгляды.

Они подготавливают публику. Появление официанта – увертюра, а сам молодой парень с коктейлями на подносе невольно оказывается в роли конферансье. При виде его мужчины оживляются, чья-то рука поднимается и указывает место – вот сюда, мол. Мгновение тишины – и вот уже стеклянные края плывут по направлению к губам. Кто-то, самый нетерпеливый, не удержавшись, прикрывает глаза, совсем как в костеле, когда ксендз торжественно кладет белую облатку на высунутый язык. Мир готов перевернуться вверх тормашками, только кажется, что пол – под ногами, а потолок – над головой, тело уже не принадлежит безраздельно хозяину, становится частью живой цепи, частью живого круга. Вот стаканы движутся к губам, сам момент опорожнения почти незаметен, оно совершается с мимолетной сосредоточенностью,

с минутной серьезностью. Теперь уже стаканы будут удерживать мужчин в состоянии равновесия. Сидящие за столиком тела начнут колыхаться, макушки – описывать в воздухе круги, сперва поменьше, потом побольше. Они будут пересекаться, вычерчивая все новые окружности. В конце концов взметнутся вверх руки: сперва опробуют свою силу в воздухе, с помощью вторящих словам жестов, потом поплывут навстречу рукам приятелей, их плечам и спинам, похлопывая и одобряя. Почти любовные прикосновения. В братании рук и спин – ни грана беспардонности, оно подобно танцу.

Куницкий смотрит на них с завистью. Ему бы хотелось выйти из тени и присоединиться к этой компании. Такого рода энергия ему чужда. Куницкому ближе север, где мужские сообщества носят более сдержанный характер. Но на юге, где солнце и вино заставляют тела обнажаться быстрее и бесстыднее, этот танец выглядит совершенно естественным. Спустя час первое тело обмякает и падает на спинку стула.

Ночной бриз теплой лапой шлепает Куницкого по спине, подталкивает к столикам, точно уговаривая: «Ну иди же, иди». Ему хочется пойти с этой компанией – куда-нибудь, куда угодно. Если бы они взяли его с собой...

По неосвещенной стороне набережной, стараясь не выходить за границу тьмы, он возвращается к пансиону. Прежде чем подняться по узкой и душной лестнице, набирает полные легкие воздуха и мгновение стоит неподвижно. Затем поднимается, нащупывая в темноте ступеньки, и сразу, не раздеваясь, падает на кровать – на живот, раскинув руки, словно кто-то выстрелил ему в спину, а он, прежде чем умереть, еще секунду рассматривал сразившую его пулю.

Через несколько часов – два или три (на улице еще темно) – он встает, ощупью спускается вниз, садится в машину. Тявкает сигнализация, соскучившийся автомобиль заговорщицки подмигивает. Куницкий вынимает вещи – все до одной. Втаскивает по лестнице чемоданы, бросает на пол, в кухне и в комнате. Два чемодана и множество пакетов, сумок, корзиночек, в том числе с едой, приготовленной в дорогу, комплект ласт в пластиковом футляре, маски, зонтик, пляжные коврики и ящик с купленными на острове винами и айваром – той пастой из паприки, которая так им понравилась, и еще банки с оливками. Куницкий повсюду зажигает свет и сидит посреди этого хаоса. Потом берет сумку жены и осторожно вытряхивает содержимое на кухонный стол. Усаживается и рассматривает жалкую кучку, словно играет в бирюльки и теперь должен вытянуть одну, не задев остальные. Поколебавшись мгновение, он берет помаду и откручивает крышечку. Помада темно-красная, почти новая. Ягода редко ею пользовалась. Куницкий подносит ее к носу. Пахнет приятно, трудно сказать чем. Осмелев, он по очереди берет каждую вещь в руки и откладывает в сторону. Паспорт – старый, в синей обложке, на фотографии жена значительно моложе, с длинными распущенными волосами, с челкой. Подпись на последней странице размыта – пограничники вечно придираются. Черный блокнот, с застежкой-резинкой. Куницкий открывает его, перелистывает – какие-то заметки, фасон жакета, колонка цифр, визитка быстро в Полянице, на последней страничке – номер телефона, прядка темных волос, даже не прядка, а просто несколько десятков отдельных волосков. Куницкий откладывает их в сторону. Потом посмотрит внимательнее. Косметичка из экзотической индийской ткани, внутри нее: темно-зеленый карандаш, пудреница (почти пустая), зеленая тушь для ресниц в завинчивающемся тюбике, пластмассовая точилка, блеск для губ, пинцет и разорванная почерневшая серебряная цепочка. Еще он обнаруживает билет в музей в Трогире, на обороте что-то написано – какое-то незнакомое слово; Куницкий подносит бумажку к глазам и с трудом разбирает: *καιροξ* видимо, это читается «КАИ-РОС», но он не уверен, ему это ничего не говорит. На дне косметички полно песку.

Мобильник, почти разрядившийся. Куницкий проверяет последние звонки – в основном высвечивается его собственный номер, но есть и другие, незнакомые, два или три. «Полученные сообщения»: только одно – от него, когда они разминулись в Трогире. «Я у фонтана на

главной площади». «Отправленные сообщения» – пусто. Он возвращается в главное меню, на маленьком экране высвечивается какой-то узор и тут же гаснет.

Вскрытая пачка бумажных платочков. Карандаш, две ручки, одна желтая, «Бик», вторая с надписью «Hotel Mercure»²⁵. Мелкие монеты, гроши и евроценты. Портмоне, внутри – хорватские купюры, несколько штук, и десять польских злотых. Карта «Виза». Блок клейких оранжевых листочков, испачканный. Медная заколка с каким-то античным узором, похоже, сложенная. Две кофейные карамельки. Фотоаппарат, цифровой, в черном футляре. Гвоздь. Белая скрепка. Золотистая обертка от жевательной резинки. Крошки. Песок.

Все эти предметы Куницкий аккуратно раскладывает на черной матовой столешнице, на равном расстоянии друг от друга. Подходит к крану, пьет воду. Возвращается к столу и закуривает. Потом берет ее фотоаппарат и начинает снимать, каждую вещь отдельно. Фотографирует медленно, торжественно, с максимальным приближением, со вспышкой. Жалеет только об одном – что этот маленький аппарат не может снять его самого. Он ведь тоже является уликой. Потом Куницкий идет в прихожую, где стоят сумки и чемоданы, фотографирует их. Но и это еще не все: он распаковывает чемоданы и начинает снимать каждый предмет одежды, каждую пару обуви, каждый тюбик крема, каждую книгу. Детские игрушки. Даже грязное белье – вытаскивает из пакета и снимает эту бесформенную кучу.

Находит маленькую бутылку ракии, залпом, не выпуская аппарата из рук, выпивает, потом фотографирует пустую бутылку.

Когда он на машине отправляется в Вис, уже светает. С собой у Куницкого бутерброды, приготовленные женой в дорогу – теперь уже засохшие. На жаре масло растаяло, пропитав хлеб блестящим жирным слоем, сыр стал твердым и полупрозрачным, словно пластик. Куницкий съедает два бутерброда на выезде из Комижи; вытирает руки о штаны. Он едет медленно и осторожно, внимательно следя за дорогой, – помнит, что немного выпил. Но на самом деле чувствует себя сильным и надежным, точно автомат. Назад Куницкий не смотрит, хотя знает, что там, за его спиной, метр за метром вырастает море. Воздух так прозрачен, что с вершины горы, наверное, можно разглядеть итальянский берег. Пока что он останавливается в каждой бухте и обследует все вокруг – даже мусор, не пропуская ни одной бумажки. Вооружившись подзорной трубой Бранко, Куницкий осматривает горы. Перед ним каменистые склоны, высланные выжженной, посеревшей травой, кусты бессмертной ежевики, потемневшей от солнца, судорожно цепляющейся за камни длинными побегами. Жалкие, одичавшие оливы с выкрученными стволами, каменные ограды – остатки заброшенных виноградников.

Примерно через час медленно, словно патрулирующий окрестности полицейский, Куницкий начинает спускаться к Вису. Проезжает маленький супермаркет, где они покупали продукты – в основном вино, – и через пару минут оказывается в городе.

К набережной уже причалил паром. Огромный, словно дом, – плавучая многоэтажка. «Посейдон». Большие ворота уже раскрылись, к этой зияющей пещере выстроилась очередь из машин и заспанных людей; вот-вот начнут пускать. Куницкий останавливается у барьера и разглядывает тех, кто покупает билеты. Некоторые с рюкзаком, например, красивая девушка в цветном тюрбане; Куницкий смотрит на нее, не в силах отвести глаз. Рядом с девушкой – высокий красавец скандинавского типа. Женщины с детьми, похоже, местные, без багажа, какой-то человек в костюме, с портфелем. Пара: она стоит, прильнув к его груди и прикрыв глаза, словно надеясь отоспаться после слишком короткой ночи. Несколько автомобилей: один с немецкими номерами, набитый по самую крышу, два итальянских. Местные грузовички – с хлебом, овощами, почтой. У острова свои потребности. Стараясь не привлекать внимания, Куницкий заглядывает в машины.

²⁵ Отель «Меркурий» (англ.).

Наконец очередь начинает двигаться, паром заглатывает людей и автомобили, никто не протестует, все идут покорно, как телята. Подъезжают еще французы на мотоциклах, пятеро, и тоже послушно исчезают в пасти «Посейдона». Больше никого.

Куницкий ждет, пока ворота, лязгнув, закроются. Билетер захлопывает окошко и выходит покурить. Оба наблюдают, как паром, внезапно зарокотав, отчаливает.

Куницкий объясняет, что ищет женщину и ребенка, вынимает из кармана паспорт Ягоды, сует билетеру под нос.

Тот смотрит на фотографию, склоняется над ней. Говорит по-хорватски что-то вроде:

– Полиция уже расспрашивала о ней. Никто ее тут не видел. – Он затягивается и добавляет: – Это небольшой остров, мы бы запомнили.

Вдруг он кладет Куницкому руку на плечо, словно они старые знакомые:

– Кофе? Хочешь кофе? – и кивает на только что открывшееся кафе возле порта.

Да, кофе... Почему бы и нет?

Куницкий садится за маленький столик, через мгновение билетер приносит двойной эспрессо. Они молча пьют.

– Не волнуйся, – успокаивает его билетер. – Здесь невозможно потеряться. Мы тут все как на ладони. – Говоря это, он показывает открытую ладонь, вспаханную несколькими толстыми бороздами. Потом приносит Куницкому булку с котлетой и салат. Наконец уходит, оставив его наедине с недопитым кофе. Когда билетер исчезает, из груди у Куницкого вырывается короткое рыдание – похожее на кусок булки, он проглатывает его, не чувствуя вкуса.

Из головы у него не выходит выражение «как на ладони». У кого? Кто смотрит на них на всех, на этот остров в море, на нитки асфальтовых дорог от порта к порту, на тысячи людей, местных и туристов, плавающих от жары, находящихся в постоянном движении. Мысленным взором он видит кадры спутниковых фотографий – говорят, на них можно разглядеть даже этикетку спичечного коробка. Неужели это правда? Тогда, наверное, оттуда видна и его макушка с наметившейся лысиной. Огромное холодное небо, заполненное подвижными глазами беспокойных спутников.

Через маленькое кладбище возле собора Куницкий идет к машине. Все могилы обращены к морю, словно в амфитеатре, так что мертвые наблюдают неспешный, повторяющийся ритм портовой жизни. Наверное, радуются белому парому, возможно, даже принимают его за архангела, сопровождающего души в этой поднебесной переправе.

Куницкий замечает, что фамилии на плитах повторяются. Люди здесь, должно быть, как кошки – без конца скрещиваются, вращаются в колесе нескольких родов, редко покидая их пределы. Останавливается он только раз – увидев маленькую могилу с двумя рядами букв.

Зорка 9 II 21–17 II 54

Сречан 29 I 54–17 VII 54

Куницкий на несколько секунд задумывается, пытаясь отыскать в этих датах некий алгебраический порядок, – они похожи на шифр. Мать и сын. Неведомая трагедия, заключенная в даты, расписанная на этапы. Эстафета.

Вот и окраина города. Куницкий устал, солнце в зените, пот заливал глаза. Когда на машине он снова взбирается на возвышенность в центре острова, то видит, до чего безжалостное солнце уродует это райское место. Жара тикает, точно бомба с часовым механизмом.

В полиции его угощают холодным пивом, словно надеются скрыть под белой пеной собственную беспомощность. «Никто их не видел», – говорит толстый полицейский и любезно поворачивает к Куницкому вентилятор.

– Что мне делать? – спрашивает тот, стоя на пороге.

– Отдохните, – отвечает полицейский.

Но Куницкий торчит в отделении, прислушиваясь ко всем телефонным разговорам, к полному скрытых смыслов треску рации; наконец появляется Бранко и уводит его обедать. Они почти не разговаривают. Потом Куницкий просит отвезти его в отель – он чувствует слабость и, не раздеваясь, ложится на кровать. Ощущает запах собственного пота – отвратительный запах страха.

Он лежит на спине, одетый, среди выброшенных из сумок вещей. Взгляд внимательно исследует их конstellляции, взаимное расположение, указываемые векторы, образуемые фигуры. Быть может, они что-то означают. Быть может, это адресованное ему послание – касающееся жены и ребенка, но в первую очередь его самого. Куницкому незнакомы этот почерк и эти знаки, они явно не начертаны человеческой рукой. Между ними есть какая-то связь, важен сам факт, что он на них смотрит; то, что он их видит, – непостижимая загадка; загадка, что он вообще может смотреть и видеть, загадка – что он существует.

Везде и нигде

Отправляясь в путь, я исчезаю с карт. Никто не знает, где я нахожусь. В точке, из которой вышла, или в точке, к которой устремилась? Существует ли некое «между»? Или я подобна дню, утраченному при перелете на восток, и ночи, обретенной при перелете на запад? Распространяется ли на меня закон, составляющий гордость квантовой физики: частица может существовать одновременно в двух местах? Или другой, пока нам неведомый и недоказанный: в одном и том же месте можно не существовать вдвойне?

Думаю, нас таких много. Исчезнувших, отсутствующих. Вдруг возникающих в зале прилета и начинающих существовать в тот момент, когда пограничник ставит в паспорт штамп или любезный портье вручает ключ от номера. Эти люди, вероятно, уже обнаружили собственную неустойчивость и зависимость от места, времени суток, языка или города с его микроклиматом. Текучесть, мобильность, иллюзорность – вот что значит быть цивилизованным человеком. Варвары не путешествуют, они просто идут к цели или совершают набеги.

Подобной точки зрения придерживается женщина, угощающая меня травяным чаем из термоса: мы дожидаемся автобуса, который доставит нас с вокзала в аэропорт; кисти рук у нее разрисованы хной – причудливый узор, который с каждым днем становится все неразборчивее. В автобусе она читает мне лекцию о времени. Говорит, что оседлые, аграрные народы предпочитают прелести циклического времени, когда каждое событие возвращается к своему началу, сворачивается в эмбрион и повторяет процесс созревания и смерти. Однако кочевники и торговцы, отправляясь в путь, вынуждены были изобрести для себя иное время, лучше приспособленное для путешествия. Это время линейное, более практичное, поскольку является мерилем стремления к цели и обрастания процентами. Каждое мгновение отлично от другого и никогда не повторится, а следовательно, благоприятствует риску и жажде жить на полную катушку, пользуясь всякой оказией. На самом деле открытие это оказалось горьким: поскольку смена времени неизбежна, утрата и траур становятся повседневным опытом. Поэтому с уст этих людей не сходят такие слова, как «тщетный» и «исчерпанный».

– Тщетные усилия, исчерпанные ресурсы, – смеется женщина и закидывает раскрашенные руки за голову. Она говорит, что единственный способ выжить в таком растянутом линейном времени – соблюдать дистанцию, совершать танец, каждое движение которого приближает и отдаляет: шаг вперед – шаг назад, влево-вправо, такие движения легко запомнить. Чем больше расширяется мир, тем большую дистанцию можно завоевать таким танцем – эмигрировать за семь морей, за два языка, за целую религию.

Однако я на этот счет придерживаюсь иного мнения. Время путешественника неоднородно, это великое множество времен внутри одного времени. Это время островное, архипелаги порядка в океане хаоса, время, вырабатываемое вокзальными часами, – в каждой точке свое собственное, условное, меридианное, а потому не стоит воспринимать его всерьез. Часы тают в летящем самолете – в мгновение ока светает, а в затылок уже дышат полдень и вечер. Гектическое²⁶ время крупных городов, где задерживаешься на мгновение, отдаваясь в рабство случайному вечеру, и ленивое – безлюдных равнин, увиденных в иллюминатор.

Еще мне кажется, что мир у нас внутри, в извилине мозга, в шишковидной железе, он стоит в горле, этот глобус. В сущности, откашлявшись, его можно было бы выплюнуть.

²⁶ Продолжительное, привычное (греч. hektikos).

Аэропорты

Вот большие аэропорты, которые собирают нас, приманивая пересадкой на другой самолет; это система расписаний рейсов, подчиненная движению. Но даже если в ближайшие несколько дней мы никуда не собираемся, любой аэропорт стоит того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Когда-то они располагались на окраине, служа дополнением к городу, наподобие вокзала. Однако сегодня аэропорты уже обретают собственное лицо. Скоро можно будет утверждать, что это города являются их придатками, обеспечивающими рабочие и спальные места. Ведь известно, что подлинная жизнь и есть движение.

Чем сегодняшние аэропорты хуже обычных городов? Там проходят интересные выставки, есть конференц-залы, в которых устраиваются фестивали и просмотры. Есть сады и променады, осуществляются просветительские проекты. В Схипхолье²⁷ можно увидеть прекрасные копии Рембрандта, а в одном азиатском аэропорту имеется отличный музей религии. Есть и приличные отели, и всевозможные рестораны с барами. Маленькие лавочки, супермаркеты и торговые центры, в которых можно не только купить все необходимое для путешествия, но и сразу приобрести сувениры, чтобы потом, на месте, не тратить на это время. Есть фитнес-клубы, салоны классического и восточного массажа, работают парикмахеры и торговые менеджеры, представительства банков и сотовых компаний. Наконец, удовлетворив физические потребности, мы можем получить духовную поддержку в многочисленных часовнях и комнатах для медитации. В некоторых аэропортах проходят литературные и авторские вечера. Где-то в рюкзаке у меня до сих пор хранятся программки: «Психология путешествий: история и основная проблематика», «Развитие анатомии в XVII веке».

Все прекрасно организовано; траволаторы помогают пассажирам перебираться из одного терминала в другой, затем те перемещаются из аэропорта в аэропорт (иные из которых разделяет десять с лишним часов лету!), а неприметная служба порядка контролирует безупречное функционирование этого огромного механизма.

Это уже больше, чем аэродром, это – особая разновидность города-государства, местоположение которого постоянно, а граждане переменны. Аэро-республики, члены Всемирного союза аэропортов, пока не имеющего представительства в ООН, но это вопрос времени. Пример государственного устройства, при котором внутренняя политика менее важна, чем связи с другими аэропортами-членами Союза – поскольку они являются единственным оправдывающим их существование. Пример экстравертного строя; конституция напечатана на каждом билете, а единственным удостоверением личности является посадочный талон.

Число жителей здесь неустанно меняется и колеблется. Интересно, что население растет в туман и в грозу. Чтобы повсюду чувствовать себя комфортно, гражданам рекомендуется не привлекать к себе внимания. Порой, когда стоишь на траволаторе, а мимо проплывают братья и сестры по путешествию, может показаться, что все мы – анатомические препараты, глазющие друг на друга из стеклянных сосудов с формалином. Персонажи, вырезанные из иллюстраций в журнале, фотографий в путеводителе. Наш адрес – место в самолете: скажем, 7D или 16A. Огромные транспортеры развозят нас в противоположных направлениях: кто-то в шубе и шапке, кто-то – в футболке с пальмами и бермудах, у этих глаза выцвели от снега, у тех – прикрыты темными очками; одни пропитались северной сыростью, запахом гнилой листвы и размокшей земли, другие несут в сандалиях песок пустынь. Одни – смуглые, подгоревшие, закопченные, другие – ослепительно-белые, флюоресцирующие. Те, кто бреет голову, и те, кто

²⁷ Аэропорт в Амстердаме.

никогда не стрижется. Высокие и грузные – вроде этого мужчины, и миниатюрные, как статуэтки – вроде той женщины, ему по пояс.

И музыка здесь особая. Симфония самолетных двигателей, набор бесхитростных звуков, распростертых в лишенном ритма пространстве. Ортодоксальный двухмоторный хор, мрачный, минорный, инфракрасный, инфрачерный, *largo*, основанное на одном аккорде, что сам себе наскучил. Реквием с мощным *introitus*²⁸ старта и заходящим на посадку «аминь» в финале.

²⁸ Псалом, который исполнял хор, пока священник переходил из ризницы к алтарю.

Путешествие к истокам

На хостелы следует подать в суд за эйджизм – дискриминацию по возрасту. По каким-то причинам они предоставляют ночлег только молодежи; возрастной потолок устанавливается произвольно, но сорокалетнему уж точно ничего не светит. Отчего молодым такие преимущества? Разве сама биология и без того не осыпает их привилегиями?

Взять хотя бы этих бэкпекеров²⁹, которые заполняют большинство хостелов: сильные и высокие – и мужчины, и женщины, – светлокожие здоровяки, редко курят или принимают какую-нибудь пакость, разве что изредка позволяют себе косячок-другой. Пользуются экологически безвредным транспортом – сухопутным; их перевозят ночные поезда, битком набитые автобусы дальнего следования. В некоторых странах еще удастся воспользоваться автостопом. Вечером они добираются до очередного такого хостела и за ужином задают друг другу Три Вопросы Путешественника: Откуда ты родом? Откуда приехал? Куда едешь? Первый вопрос обозначает вертикаль, два другие – горизонталь. Создав таким образом что-то вроде системы координат, они размещают друг друга на этой карте и спокойно засыпают.

Человек, которого я встретила в поезде, путешествовал, как почти все они, в поисках своих корней. Путь ему предстоял непростой. Бабка по матери – российская еврейка, дед – поляк из Вильно (покинул Россию вместе с армией генерала Андерса³⁰, после войны осел в Канаде); дед по отцу – испанец, а бабушка – индианка из племени, названия которого я не запомнила.

Он только начинал свое странствие и, похоже, был несколько растерян.

²⁹ «Самостоятельные» путешественники – в отличие от организованных туристов (*англ.* backpack – рюкзак).

³⁰ Армия Андерса (2-й Польский корпус) – польское войсковое формирование, созданное генералом Владиславом Андерсом в 1941–1942 гг. на территории СССР по соглашению с Польским правительством в изгнании из польских граждан, попавших в советский плен в результате Советско-польской войны 1939 г., а также польских граждан, которые были депортированы и заключены в лагеря ГУЛАГа; в 1943–1946 гг. в качестве польского корпуса в составе британской армии.

Дорожная косметика

В наше время каждый уважающий себя парфюмерный магазин предлагает покупателям специальную серию дорожной косметики. Иные торговые сети даже отводят под нее отдельную витрину. Здесь можно приобрести все, что пригодится в дороге: шампунь, тюбик жидкого мыла для стирки белья в гостиничной ванной, зубные щетки, складывающиеся пополам, крем от солнца, спрей от комаров, влажные салфетки для обуви (вся цветовая гамма), средства интимной гигиены, крем для ног, крем для рук. Отличительная черта всех этих товаров – размер: это мини-копии, тюбики, баночки и бутылочки размером с большой палец; микроскопический набор швейных принадлежностей включает в себя три иголки, пять моточков ниток разного цвета, по три метра каждый, две белые аварийные пуговицы и английскую булавку. Очень полезная штука – лак для волос, малюсенький спрей умещается в ладони.

Похоже, косметическая промышленность признала феномен путешествия миниатюрным слепком оседлой жизни, его забавной, немного игрушечной микрокопией.

La mano di Giovanni Battista³¹

Мира слишком много. Его бы уменьшить – вместо того, чтобы расширять и множить. Вновь запереть в маленькую коробочку, переносной паноптикум и позволить людям заглядывать туда только в субботу после обеда, когда с домашними делами уже покончено, чистое белье приготовлено, а рубашки распалены на спинках стульев, когда полы вымыты, а на подоконнике остывает песочный пирог. Заглядывать туда через отверстие, словно в фотопластикон³², дивиться каждой детали.

Увы, наверное, уже поздно.

Похоже, нам остается только научиться постоянно делать выбор. Стать как тот путешественник, с которым я познакомилась в ночном поезде. Он говорил, что время от времени непременно должен пойти в Лувр и постоять перед единственной картиной, которая, с его точки зрения, достойна внимания. Остановиться перед Иоанном Крестителем и взглянуть туда, куда указывает его палец.

³¹ Рука Джованни Батиста (*итал.*).

³² Устройство для одновременного просмотра стереодиапозитивов 24 или 25 зрителями, созданное в начале 1880-х гг. германским изобретателем А. Фурманном.

Оригинал и копия

Один человек в музейном буфете рассказал мне, что наибольшее удовлетворение приносит ему соприкосновение с оригиналом. Еще он утверждал, что чем больше на свете копий, тем больше сила оригинала – порой подобная той, которой обладают святые мощи. Важна ведь их уникальность, всегда находящаяся под угрозой. Словно подтверждая его слова, группа туристов с набожной сосредоточенностью взирала на полотно Леонардо да Винчи. Изредка кто-нибудь не выдерживал напряжения, и тогда раздавался громкий щелчок фотоаппарата, словно «аминь» в переводе на новый – цифровой – язык.

Поезд трусливых

Существуют поезда, специально предназначенные для того, чтобы в них спать. Весь состав – сплошь спальные вагоны плюс один вагон-бар (даже не ресторан, это лишнее). Такой поезд курсирует, например, на трассе Щецин – Вроцлав. Уходит в 22.30 и прибывает в 7.00, но расстояние невелико, всего 340 километров, которые можно преодолеть за пять часов. Однако быстрее – не всегда лучше, фирма заботится о комфорте пассажиров. Поезд останавливается среди полей и замирает в ночном тумане; спокойная гостиница на колесах. Нет смысла бегать наперегонки с ночью.

Есть вполне приличный поезд Берлин – Париж. И Будапешт – Белград. А также Бухарест – Цюрих.

Я полагаю, изобрели их для тех, кто боится летать самолетами. Стыдно признаваться, что ты – из числа подобных пассажиров. Впрочем, такие поезда особо и не рекламируют. Они – для постоянных клиентов, для той несчастной части человечества, которая при взлете и посадке всякий раз умирает от страха. Для тех, у кого потеют руки, кто беспомощно комкает бесчисленные платочки и хватается стюардессы за рукав.

Эти составы скромно прибывают на отдаленные платформы, не бросаются в глаза. (Например, тот, что следует из Гамбурга в Краков, поджидает пассажиров в Альтоне³³, укрывшись за рекламами и стендами.) Новичкам придется поплутать по вокзалу, чтобы отыскать свой поезд. Пассажиры спешат поскорее войти в вагон. В боковых карманах дорожных сумок лежат пижамы и тапочки, косметички, беруши. Одежда аккуратно развешивается на специальных плечиках, а на микроскопические умывальники, спрятанные в шкафчиках, выкладываются зубные щетки и тюбики с пастой. Скоро кондуктор спросит, что подать на завтрак. Кофе или чай – эрзац железнодорожной свободы выбора. Купи пассажир авиабилет со скидкой – через час был бы уже на месте, да и вышло бы дешевле. «Сэкономил» бы ночь, чтобы провести ее в объятиях истосковавшейся возлюбленной, поужинать в ресторане на рю Бле-бле, где подают такие вкусные устрицы. Моцартовский концерт в соборе. Прогулка по набережной. А так они вынуждены полностью отдаться времени путешествия по рельсам, подобно многим поколениям предков лично преодолеть каждый километр, проехать в этом земном странствии каждый мост, виадук и туннель. Ничего не удастся обойти, перескочить. Колесо коснется каждого миллиметра пути, на мгновение обратив его в свою касательную, и всякий раз конфигурация будет неповторимой – сочетание колеса и рельса, времени и места, единственное во вселенной.

Едва этот поезд трусливых почти без предупреждения тронется в ночь, бар мгновенно заполнится. Туда потянутся мужчины в костюмах – опрокинуть пару рюмок, выпить кружку пива, чтобы крепче спалось; принаряженные геи, стреляющие глазками, точно кастаньетами; растерянные болельщики какого-то клуба, отколовшиеся от основной группы, что полетела самолетом, робкие, словно отбившиеся от стада овцы; подружки не первой молодости, которые, оставив дома зануд-мужей, отправились на поиски приключений.

Вот уже не осталось свободных мест, пассажиры ведут себя как гости на многолюдной вечеринке, со временем симпатичные бармены начинают их знакомить: «Этот человек ездит с нами раз в неделю», «Тэд – он всегда уверяет, что не станет ложиться, а сам заваливается спать первым», «Этот пассажир каждую неделю катается к жене – должно быть, очень любит», «Мадам Никогда-больше-не-поеду-поездом».

Посреди ночи, когда поезд медленно вползает в бельгийские или мазурские равнины, когда ночной туман густеет и размывает все вокруг, в баре появляется вторая смена: пасса-

³³ Район Гамбурга.

жиры, измученные бессонницей, не стесняющиеся своих тапочек на босу ногу. Эти присоединяются к остальным так, словно отдаются фатуму: будь что будет.

Однако я считаю, что их ждет только хорошее. Ведь они находятся в подвижной точке, перемещаются в черном пространстве, увлекаемые ночью. Никого не знать и никем не быть узнанным. Выйти из собственной жизни, а после вернуться – целым и невредимым.

Покинутая квартира

Квартира не понимает, что случилось. Квартира думает, что хозяин умер. После того как захлопнулась дверь и в замке проскрежетал ключ, все звуки доходят сюда приглушенными – смутные пятна без теней и контуров. Пространство густеет, никем не востребованное, не тревожимое сквозняками, колыханием занавесок, и в этой неподвижности начинают робко кристаллизироваться пробные формы, на мгновение зависающие в прихожей между полом и потолком.

Конечно, ничего нового здесь не возникнет, да и откуда бы? Это лишь имитации уже известных форм, сплетенные в пузырчатые клубки, лишь на краткий миг сохраняющие контуры. Отдельные эпизоды, движения, не более того, например, беспрестанное возникновение и исчезновение (всегда в одном и том же месте) отпечатка ступни. Или рука, выводящая буквы в воздухе над столом, – движение совершенно непонятное, ибо совершается без участия пера, бумаги, почерка и остального тела.

Книга злодеяний

Не подруга, нет. Мы познакомились в Стокгольме, в единственном на свете аэропорту с деревянными полами: красивый паркет черного дуба, тщательно подогнанные, до блеска натертые дощечки – навскидку несколько гектаров северных лесов.

Она сидела рядом, вытянув ноги и подложив под них черный рюкзак. Не читала, не слушала музыку – сложив руки на животе, смотрела прямо перед собой. Мне понравился ее покой, полная сосредоточенность на процессе ожидания. Я посмотрела на нее более внимательно, ее взгляд скользил по этому натертому полу. Чтобы завести беседу, я пробормотала что-то вроде «жаль тратить лес на паркет для аэропорта».

Женщина ответила:

– Говорят, при строительстве аэропорта нужно принести в жертву какое-нибудь живое существо. Чтобы избежать авиакатастроф.

Стюардессы за стойкой были чем-то встревожены. Оказывается, самолет перегружен – так они объявили по громкой связи нам, ожидавшим посадки. По странному стечению обстоятельств список пассажиров оказался слишком длинным. Ошибка компьютера – фатум наших дней. Два человека, которые согласятся лететь завтра, получают по двести евро, номер в отеле аэропорта и талон на ужин.

Люди нервно переглядывались. Кто-то предложил: давайте бросим жребий! Раздался смех, затем воцарилось напряженное молчание. Задерживаться никому не хотелось, да это и понятно, ведь мы живем не в пустыне: на завтрашний день уже назначены деловые встречи, запланирован визит к стоматологу, а вечером должны прийти гости.

Я опустила глаза. Мне не к спеху. Никто и нигде меня не ждет. Пускай лучше время присматривает за мной, а не наоборот. И потом: мало ли как можно зарабатывать себе на хлеб; это похоже на новое измерение работы, за которым, быть может, будущее – быть может, именно здесь наше спасение от безработицы и перепроизводства мусора. Постоять в сторонке, переночевать в гостинице, оплата поденная, утром – кофе и шведский стол с богатым ассортиментом йогуртов. Почему бы и нет? Я встала и направилась к взволнованным стюардессам. Женщина, сидевшая рядом, двинулась следом.

– Почему бы и нет? – бросила она.

К сожалению, наш багаж уже улетел. Пустой автобус отвез нас в отель, мы получили два небольших уютных номера по соседству друг с другом. Распаковывать нечего, зубная щеточка да чистое белье – неприкосновенный запас. Еще крем для лица и толстая увлекательная книга. Блокнот. Будет время все записать – записать эту женщину:

Высокая, хорошо сложена, бедра довольно широкие, руки небольшие. Пышные вьющиеся волосы она стягивает в хвост, но те не слушаются и порхают вокруг серебристым ореолом – совершенно седые. А лицо молодое, светлое, веснушчатое. Небось, шведка – они не красят волосы.

Мы договорились встретиться внизу, в баре – вечером, после того как не спеша примем душ и пощелкаем пультом телевизора.

Заказали белое вино и, обменявшись стандартным набором любезностей и ответив на три основных вопроса путешественников, перешли к сути дела. Сперва я принялась рассказывать ей о своих странствиях, но вскоре мне показалось, что моя новая знакомая слушает только из вежливости. Я умолкла, догадавшись, что у нее есть история поинтереснее.

Она собирает свидетельства – даже получила грант от Евросоюза, но на билеты его все равно не хватает, и ей пришлось занять у отца, который тем временем умер. Моя собеседница

отвела со лба пружинку седых волос (а я убедилась, что ей никак не больше сорока пяти), мы заказали салат (по выданным авиакомпанией талонам нам полагался только ниццкий).

Рассказывая, она прикрывала глаза, что придавало ее словам слегка иронический оттенок, – видимо, поэтому в первые мгновения я не могла понять, следует ли принимать сказанное всерьез. Итак, она утверждала, что мир лишь на первый взгляд поражает разнообразием. Разные люди, экзотические культуры, города, выстроенные по разным проектам и из разных материалов. Непохожие друг на друга крыши, окна и дворы. Наколов на вилку кусочек брынзы, моя собеседница описывала им в воздухе круги.

– Однако не стоит обманываться: это разнообразие – фикция, павлиний хвост. Повсюду одно и то же – животные... то, как человек с ними обращается.

Невозмутимо, словно повторяя заученный урок, она принялась перечислять: измученные жарой цепные псы, ожидающие плошки с водой, словно манны небесной; сидящие на короткой цепи щенки с большими лапами; овцы, ягнящиеся в заснеженных полях (единственное, чем утруждают себя фермеры, – вызывают грузовики, чтобы вывезти замерзших ягнят); омары в ресторанных аквариумах, которых указующий перст клиента обрекает на смерть в кипятке; собаки, которых разводят другие рестораторы, поскольку их мясо способствует улучшению потенции; курицы в клетках, чья судьба зависит от количества снесенных яиц, – их жизнь, и так достаточно короткая, искусственно подстегивается при помощи всякой химии; организация собачьих боев; прививаемые обезьянам вирусы; кролики, на которых опробуют косметические средства; еще не родившиеся ягнята, с которых сдирают шкурку... – моя собеседница перечисляла все это бесстрастно, поедая оливки.

Я запротестовала. Нет, я не хочу это слушать.

Тогда из висевшей на спинке стула тряпичной сумки она достала стопку ламинированных листочков – черные строчки ксерокопий – и протянула мне через столик. Я неохотно пролистала – потемневшие страницы, текст в две колонки, точно в энциклопедии или Библии. Мелкий шрифт, сноски. «Отчеты о злодеяниях» и адрес сайта. Едва взглянув, я поняла, что читать это не буду. Но все же аккуратно положила в рюкзак.

– Вот чем я занимаюсь, – сказала женщина.

Позже, за второй бутылкой вина, она рассказала мне, как во время экспедиции в Тибет заболела высотной болезнью³⁴ и чуть не умерла. Вылечила ее местная жительница – отпаивала травами и била в бубен.

Легли мы поздно – наши языки, согретые вином, развязались в тот вечер на полную катушку, дорвавшись до длинных фраз и сюжетов.

На следующее утро, за завтраком, Александра – так звали эту воинственную женщину – перегнулась ко мне через стоявшие на столе круассаны и сказала:

– Животное и есть истинный Бог. Бог – в животных, он так близко, что мы его и не замечаем. Он ежедневно жертвует собой ради нас, умирает вновь и вновь, питает нас своим телом, согревает своей кожей, позволяет тестировать на себе лекарства, чтобы мы могли жить дольше и лучше. Так он проявляет свою милость, дарит нам дружбу и любовь.

Я замерла, не в силах отвести взгляд от ее губ, – потрясенная не столько этим откровением, сколько невозмутимостью, с которой оно было высказано. Нож равнодушно размазывал масло по пышной мякоти круассана.

– Доказательство хранится в Генте.

Она выудила из тряпичной сумки открытку и бросила на мою тарелку.

Я взяла картинку и попыталась отыскать смысл в изобилии деталей; вероятно, тут требуется lupa.

³⁴ Высотная болезнь – нарушения функций и структуры органов и систем, возникающие в условиях пребывания человека на высоте.

– Его может увидеть каждый, – сказала Александра. – В центре города стоит собор, в его алтаре есть большая красивая картина. На ней изображено поле – зеленая равнина, и на ней – простое возвышение. А вот, – она указала кончиком ножа, – вот Животное – белый вознесенный агнец.

Да, я узнала эту картину. Я видела ее много раз, на всевозможных репродукциях. «Поклонение Агнцу»³⁵.

– Люди поняли, кто он, – светлая лучезарная фигура агнца привлекает взгляды, заставляет преклоняться перед божественным величием, – Александра рассказывала, указывая ножом на ягненка. – Отовсюду движутся процессии – все жаждут воздать ему честь, взглянуть на этого униженного Бога, скромнейшего из скромных. Вот, смотри, сюда стремятся владыки, кесари и короли, соборы, парламенты, партии, цеха; идут матери с детьми, старцы и подростки...

– Зачем тебе это нужно? – спросила я.

Разумеется, она собиралась написать большую книгу, в которой не будет упущено ни одно злодеяние начиная со дня творения. Это будет исповедь человечества. Александра уже изучила древнегреческие источники и сделала выписки.

³⁵ «Поклонение Агнцу» (1432) Яна ван Эйка в Кафедральном соборе св. Бавона в Генте – одна из центральных панелей знаменитого Гентского алтаря.

Путеводители

Описание – подобно использованию – разрушает; цвета стираются, контуры размываются, описанное постепенно блекнет, исчезает. Особенно это касается пространства. Чудовищные опустошения сеют тексты путеводителей – это экспансия, подлинная эпидемия. Путеводители навсегда уничтожили большую часть планеты: изданные миллионными тиражами на разных языках, они ослабили пространство, пригвоздили к одной точке, поименовали и размывали контуры.

В своей юношеской наивности я также пыталась описывать пространство. Вернувшись спустя некоторое время в то или иное место, попытавшись глубоко вдохнуть и вновь захлебнуться его мощным присутствием, заново прислушаться к его шепоту, я переживала шок. Правда страшна: описать – значит уничтожить.

Поэтому следует соблюдать осторожность. Лучше избегать названий, хитрить и лукавить, с осторожностью раздавать адреса – так, чтобы никого не соблазнить на путешествие. Что найдет путешественник? Омертвелость, пыль, засохший огрызок.

В уже упоминавшемся справочнике клинических синдромов описан, в частности, Парижский синдром, которым страдают в первую очередь посещающие французскую столицу японцы. Для него характерны психологический шок и ряд вегетативных расстройств, таких как поверхностное дыхание, сердцебиение, испарина и перевозбуждение. Возможны также галлюцинации. В этом случае прописывают транквилизаторы и рекомендуют вернуться домой. Причина этого недуга – разочарование: Париж, в который попадают туристы, совершенно не похож на тот, который они знают по путеводителям, фильмам и телепередачам.

Новые Афины

Путеводитель стареет быстрее любой другой книги (на радость издателям). В своих путешествиях я неизменно храню верность двум, которые предпочитаю всем прочим, хоть и написаны они очень давно. Дело в том, что они порождены подлинной страстью и стремлением описать мир.

Первая из этих книг вышла в Польше в начале XVIII века – в Европе пробудившийся Разум предпринимал тогда подобные попытки, возможно, более успешные, чем эта, но, безусловно, уступающие ей по прелести. Автор – каноник Бенедикт Хмелевский, родом с Волыни. Иосиф Флавий окутанной туманом провинции, Геродот окраин мира. Подозреваю, что он страдал тем же синдромом, что и я, но, в отличие от меня, так и не покинул дом.

В главе с длинным названием «О прочих чудесных и особенных людях на свете: а именно ацефалах, то есть безглавых, о киноцефалах, то есть псоглавцах; и других удивительного облича людях» он пишет:

«...обитает племя, зовущееся блемии, Исидором же именуемое Лемнос, обладая приятной оку человеческой фигурой и симметрией, они вовсе лишены головы, имея лишь лицо посреди груди. [...] Плиний, величайший естественных вещей исследователь, подтверждает сведения о ацефалах, то есть безглавых, полагая, что живет это племя близ Троглодитов, в Эфиопии, или в Негритянском государстве. В пользу сведений этих Авторов говорит важный oculatus Testis [т. е. очевидец] Св. Августин, странствовавший по тем Краям (будучи епископом Иппонским в Африке, что довольно близко) и сеявший Святой Христианской веры семена. В Проповеди своей, называемой «О граде божьем», утверждает недвусмысленно: [...] будучи уже епископом Иппонским, я в сопровождении нескольких слуг Божьих отправился в Эфиопию, намереваясь провозглашать св. Евангелие Иисуса Христа; и там мы видели множество мужчин и женщин без головы, но имеющих огромные глаза на груди, прочие же их члены напоминают наши. Солин, многократно упоминаемый Автор, пишет, что в индийских горах обитают люди с головами псов и собачьими голосами, то есть лающие. Марко Поло, исследовавший Индию, утверждает, что на острове Ангаман живут люди с собачьими головами и зубами; об этом пишет также Одорик; Элиан же полагает, что племена эти населяют пустыни, в том числе Египетскую. Плиний сих чудовищ людских называет Сynanalogos, Авл, Гелий и Исидон – Сynocerphalos, то есть псоглавцами. [...] Князь Миколай Радзивилл в своих «Путешествиях» сообщает в Письме третьем, что взял с собой двух Сynocerphalos, то есть псоглавцев, которых везет теперь в Европу.

Tandem oritur question [Наконец встает вопрос]: Обладают ли подобные чудовища душой? Ответ на него дает Святой Августин: Истинно, что если родится где какой-либо человек, то есть смертное и наделенное разумом животное, то сколь бы неправомерным он ни казался нашим чувствам своим телом, или цветом, или способом передвижения, или издаваемыми звуками, или каким-нибудь свойством, или каким-нибудь членом, или какой-нибудь чертою естества, однако ни один верующий не должен сомневаться в том, что онный ведет свой род от того самого первозданного человека».

Второй путеводитель – «Моби Дик» Мелвилла.

Если при этом есть возможность время от времени заглядывать в «Википедию», больше вам ничего и не потребуется.

«Википедия»

Она представляется мне наиболее честным познавательным проектом человечества. «Википедия» – наглядное свидетельство того, что все наши знания о мире – порождение человеческой головы, подобно тому как Афина родилась из головы божественной. Люди заносят в «Википедию» все, что знают сами. Если проект удастся реализовать, то энциклопедия, все еще находящаяся в процессе создания, явится величайшим чудом света. В нее войдет все, что мы знаем, каждая вещь, определение, событие, проблема, привлекающая наш разум; мы будем цитировать источники и давать ссылки. И, таким образом, начнем сплести собственную версию мира, окутав земной шар собственным повествованием. Мы уместим в эту энциклопедию всё. За работу! Пусть каждый напишет хотя бы одну фразу о том, в чем разбирается лучше всего.

Но порой я все же сомневаюсь в успехе этого предприятия. Ведь туда можно включить только то, что мы в состоянии сформулировать, то, для чего найдены слова. В этом смысле наша энциклопедия никогда не будет полной.

Поэтому для равновесия необходим еще один свод знаний – то, чего мы не знаем, исподняя, левая сторона, изнанка, которую не объять никаким оглавлением, не охватить никакой поисковой системой; чей массив невозможно преодолеть при помощи слов – приходится ступать между ними, увязая в глубоких межпонятийных трещинах. Всякий раз нога соскальзывает, и мы летим вниз.

Мне кажется, что единственное возможное направление – это движение вглубь.

Материя и антиматерия.

Информация и антиинформация.

Граждане мира, за перо!

Ямин, симпатичная мусульманка, с которой мы однажды проговорили целый вечер, сказала мне о своем проекте: она хочет уговорить всех жителей своей страны писать книги. Ямин твердила: чтобы написать книгу, нужно так немного: чуть-чуть свободного времени после работы, можно даже обойтись без компьютера. Стоит рискнуть – вдруг получится бестселлер, и тогда усилия автора вознаградит еще и общественное признание. Это лучший способ вырваться из нищеты, утверждала Ямин. Вот бы мы все читали книги друг друга... – вздыхала она. Ямин организовала в Интернете форум. В нем, кажется, принимают участие уже несколько сотен человек.

Мне очень по душе концепция чтения книг как братского и сестринского морального долга по отношению к ближнему.

Психология путешествий *Lectio brevis I*³⁶

В последние полтора года я встречаю в аэропортах пары ученых, которые в дорожном гаме, между объявлениями отлетов и прилетов читают небольшие лекции. Один человек объяснил мне, что это какой-то всемирный (а может, всего лишь евросоюзный) информационный проект. Так что, увидев в зале ожидания экран и группу зевак, я остановилась.

– Уважаемые господа, – начала молодая женщина, немного нервно поправляя цветастую шаль; ее коллега, мужчина в твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях, вешал на стену экран. – Психология путешествий изучает человека странствующего, человека, находящегося в движении, а следовательно, противостоит традиционной психологии, которая всегда рассматривала человеческую личность в постоянном контексте, в состоянии устойчивости и покоя – например, через призму биологической структуры, семейных связей, социального положения и так далее. Для психологии путешествий эти проблемы имеют меньшее, второстепенное значение.

Если мы стремимся к правдоподобному описанию человека, то должны привести его в движение, направить из одной точки в другую. Сам факт наличия такого количества неубедительных описаний стабильного, неизменного человека ставит, как нам представляется, под сомнение понятие безотносительного «я». Поэтому с некоторых пор в области психологии путешествий популярны идеи превосходства, согласно которым единственная психология, имеющая право на существование, – это психология путешествий.

Немногочисленные слушатели беспокойно зашевелились. Дело в том, что мимо проследовала шумная группа высоких парней, помеченных цветными шарфиками какого-то спортивного клуба, – болельщики. Одновременно к нам то и дело подходили люди, привлеченные видом экрана на стене и расставленных двумя рядами стульев. Они присаживались на минутку по пути к выходу на посадку или во время ленивой прогулки по магазинам. На многих лицах читались усталость и потерянности во времени; они бы явно с удовольствием вздремнули и, видимо, не знали, что совсем рядом, за ближайшим углом, есть удобный зал ожидания с креслами, в которых можно спать. Когда женщина заговорила, несколько пассажиров остановились. Какая-то юная пара, обнявшись и нежно поглаживая друг друга по спине, внимательно слушала.

Женщина сделала небольшую паузу и продолжила:

– Важным понятием психологии путешествий является желание: именно оно приводит личность в движение и определяет вектор, а также пробуждает тягу к чему-либо. Само по себе желание ненаполненно, то есть указывает лишь направление, но не цель, ибо цель всегда остается эфемерной и туманной: чем она ближе, тем более загадочна. Достичь цели, удовлетворив тем самым желание, невозможно. Предлог «к» – понятие, наглядно демонстрирующее этот процесс. «Стремление к чему-то».

Тут женщина посмотрела на слушателей поверх очков, обвела их внимательным взглядом, словно ожидая подтверждения, что ее слова не пропали втуне. Это не понравилось семейству с двумя детьми в коляске: переглянувшись, родители покатали свой багаж дальше – рассматривать фальшивого Рембрандта.

– Психология путешествий не отрицает своей связи с психоанализом... – продолжала женщина, а мне сделалось жаль этих молодых лекторов. Они обращались к случайной аудитории, которую все это явно не слишком интересовало. Я отошла к автомату с кофе, бросила в стакан несколько кусочков сахара, для бодрости, а вернувшись, обнаружила, что слово взял мужчина.

³⁶ Краткий отрывок I (лат.).

– ...стержневым, – говорил он, – является понятие констеллятивности, это же – первый тезис психологии путешествий: в жизни, в противоположность науке (хотя и в науке многое притянута за уши), не существует никакого философского *primum*. То есть невозможно ни выстроить логичную причинно-следственную цепочку аргументов, ни создать повествование, в котором события четко следовали бы одно за другим и вытекали одно из другого. Это было бы аппроксимацией³⁷, подобно тому как сетка меридианов и параллелей является приблизительной копией поверхности шара. Напротив: для возможно более точного отражения нашего опыта следует сложить целое из фрагментов, концентрически распределенных в одной плоскости и имеющих примерно одинаковое значение. Констелляция, а не последовательность является носителем истины. Поэтому психология путешествий описывает человека в схожих ситуациях, не стремясь изобразить его жизнь хоть сколько-нибудь непрерывной. Человеческая жизнь состоит из ситуаций. Тем не менее в поведении человека можно заметить определенную склонность к повторению поступков. Такого рода закономерности, однако, не дают нам права придавать жизни видимость какого-либо последовательного целого.

С некоторым беспокойством мужчина взглянул поверх очков на слушателей, вероятно, желая удостовериться, что они действительно слушают. Мы внимательно слушали.

В этот момент мимо пронеслась группа пассажиров с детьми; похоже, они опаздывали на пересадку. Это немного отвлекло нас – некоторое время мы рассматривали их раскрасневшиеся лица, тростниковые шляпы, сувенирные барабаны и маски, ожерелья из ракушек. Мужчина несколько раз кашлянул, призывая слушателей к порядку, набрал воздуха в легкие, но, взглянув на нас еще раз, выдохнул и промолчал. Перелистнул пару страниц в своих записях и наконец сказал:

– Что касается истории... Несколько слов об истории психологии путешествий. Эта дисциплина сложилась после войны (в пятидесятые годы прошлого века) как раздел авиационной психологии, порожденной развитием гражданской авиации. Сперва она занималась специфическими проблемами, связанными с пассажирским движением, такими как действия целевых групп в ситуации опасности, психологическая динамика полета; позже ее интересы распространились на организацию аэропортов и отелей, освоение новых территорий, межкультурные аспекты путешествия. Со временем выделились отдельные специальности, такие как психогеография, психотопология. Возникли также клинические дисциплины...

Я перестала слушать – лекция затянулась. Им следует выдавать эту информацию меньшими порциями.

Я заинтересовалась человеком плохо одетым, помятым – видимо, его путешествие затянулось. Он нашел черный зонтик и внимательно его рассматривал. Оказалось однако, что зонтик уже никуда не годится. Спицы были сломаны, и черный купол никак не желал раскрываться. Тогда, к моему удивлению, мужчина начал аккуратно отцеплять ткань от спиц и возился довольно долго. Он делал это сосредоточенно, неподвижный в плывущей мимо толпе пассажиров. Закончив, сложил материю в квадратик, спрятал в карман и исчез в людском потоке.

Я отвернулась и тоже пошла по своим делам.

³⁷ Научный метод, состоящий в замене одних объектов другими, в том или ином смысле близкими к исходным, но более простыми.

Удачное время и место

Многие верят, что есть в системе координат мира некая идеальная точка, в которой время и место достигают гармонии. Быть может, именно это заставляет людей покидать свои дома – они полагают, что даже хаотическое движение увеличивает вероятность найти такую точку. Попасть в нужный момент в нужное место, воспользоваться шансом, ухватить мгновение за хвост – и вот уже шифр замка взломан, выигрышная комбинация цифр найдена, истина открыта. Не упустить, скользить по волнам случая, стечения обстоятельств, предначертания судьбы. Делать ничего не нужно – только прибыть, оказаться в этом неповторимом сочетании времени и места. Там можно найти большую любовь, счастье, выигрыш в лотерею или разгадку тайны, над которой столетиями тщетно бьется человечество, а возможно, и собственную смерть. Бывает, поутру вдруг покажется – момент этот уже близок: не исключено, что он настанет уже сегодня.

Инструкция

Мне снилось, что я листаю американский журнал с фотографиями водных резервуаров и бассейнов. Я видела все очень подробно. Буквы «а», «b», «с», тщательно описывающие каждый элемент схемы или плана. Я с любопытством принялась читать статью под названием «Как построить океан. Инструкция».

Великопостная вечеря

– Зовите меня Эрик, – неизменно заявлял он вместо приветствия, входя в маленький бар, который в это время года отапливался только камином, и все доброжелательно улыбались ему, а кое-кто даже делал приглашающий жест рукой: присаживайся, мол, к нам. Эрик, в общем-то, был неплохим мужиком, и – несмотря на все чудачества – его любили. Но поначалу, пока не выпьет свою норму, он выглядел мрачным и сидел в самом холодном углу, подальше от камина. Эрик и не нуждался в его тепле – закаленный здоровяк, он согревал себя сам.

– Остров... – заказывая первую огромную кружку пива, вздыхал Эрик – для затравки, словно бы ни к кому не обращаясь, но так, чтобы все слышали, явно провоцируя публику. – До чего же убог здешний разум. Жопа мира.

Окружающие вряд ли догадывались, о чем он, но понимающе гоготали.

– Эй, Эрик, когда на китобойное судно? – громко интересовались они, багровея от тепла и выпивки.

В ответ Эрик разражался витиеватым ругательством (высокая поэзия, никто не мог с ним сравниться) – это входило в ежевечерний ритуал. Ибо каждый день плыл, точно паром на тро-сах, от одного берега к другому, каждый раз минуя по дороге одни и те же красные буйки, призванные лишить воду ее монополии на бесконечность, сделать измеримой, то есть создать иллюзию подконтрольности.

После очередной кружки Эрик уже был готов присоединиться к прочей публике – так обычно и случалось, – но в последнее время чем больше он пил, тем мрачнее становился. Сидел с саркастической ухмылкой. Не травил свои байки про дальние морские путешествия – те, кто знал его давно, мог убедиться, что Эрик никогда не повторяется или, во всяком случае, всякий раз украшает истории новыми подробностями. Но теперь он рассказывал все реже и только допекал других. Злобный Эрик...

Бывало, накатит на него, и он делался так несносен, что приходилось вмешиваться Хендрику, хозяину этого маленького бара.

– Вы все наняты на корабль, – орал Эрик, тыча пальцем в каждого по очереди. – Все до единого! И я должен выходить в море с такой командой дикарей, почти не перенявших человеческих черт от смертных своих матерей. Ублюдки, порожденные свирепой морской пучиной! О жизнь! Настал час, когда душа повержена, пригвожденная к сознанию – словно дикая ничейная тварь в поисках добычи!

Хендрик примирительно оттаскивал его в сторону и дружески похлопывал по плечу, а те, что помладше, гоготали, слушая эти странные речи.

– Успокойся, Эрик. На неприятности нарываешься? – успокаивали его те, что постарше, знавшие Эрика как облупленного, но он продолжал свое.

– Эй, подай-ка в сторону, старина. Я и солнца не побоюсь, осмелюсь оно меня оскорбить.

В таких случаях оставалось только надеяться, что он не осыплет бранью кого-нибудь из приезжих – свои-то на Эрика не обижались. Чего ждать от человека, глаза которого словно затянуты матовой полиэтиленовой пленкой; судя по отсутствующему взгляду, Эрик уже давно ушел в плавание по своим внутренним морям: фок-мачта поставлена, и единственное, что можно сделать, – пожалеть его и отбуксировать домой.

– Так слушай же, жалкий ты человечиска, – продолжал бормотать Эрик, тыча пальцем собеседнику в грудь, – ибо и к тебе я обращаюсь...

– Идем, Эрик. Ну, давай же.

– Вы ведь уже зачислены в команду, верно? Подпись поставлена? Ну что ж, что написано, то написано, а чему быть, того не миновать, то и сбудется, а может, и не сбудется все-таки... –

бормотал он и уже от порога снова возвращался к стойке, требуя еще одну, последнюю, кружку, «на посошок», как он выражался, хотя никто не понимал, что это значит.

Так он донимал посетителей бара, пока кто-нибудь, улучив момент, не тянул Эрика за полу форменного кителя и не усаживал на место – дожидаться такси.

Однако не всегда он бывал настроен столь воинственно. Куда чаще Эрик уходил пораньше, потому что до дома шагать ему было четыре километра, и марш-бросок этот он, по его собственным словам, ненавидел. Монотонный путь, вдоль шоссе, по обе стороны которого тянулись лишь мрачные заброшенные пастбища, заросшие сорняками и стлаником. Порой, в светлую ночь, маячил вдали силуэт ветряной мельницы, которая уже давно бездействовала и которой интересовались разве что туристы, обожавшие фотографироваться на ее фоне.

Отопление включалось примерно за час до прихода Эрика (он экономил электричество), и во мраке двух комнат еще таились клубы холода – влажного, пропитанного морской солью.

Питался Эрик одним-единственным блюдом, ибо все прочие давно ему наскучили. Приготовленная в чугушке картошка – нарезанная кружочками, переложенная кусочками грудинки и лука, сдобренная майораном и перцем, как следует посоленная. Гастрономическое совершенство – идеальные пропорции питательных веществ: жиры, углеводы, крахмал, белок и витамин С. За ужином Эрик включал телевизор, который его страшно раздражал, так что рано или поздно он откупоривал бутылку водки и приканчивал ее к тому моменту, когда приходило время ложиться спать.

Что за кошмарное место – этот остров! Ветренный, мокрый; его словно бы затолкали подальше на север, как в темный ящик стола. Почему-то люди по-прежнему жили здесь, отнюдь не торопясь перебраться в теплые, светлые города. Сидели в своих маленьких избушках, выстроившихся вдоль шоссе, – заасфальтированное по второму разу, оно приподнялось, обрекая жителей на вечное мельчание.

Обочина шоссе доведет вас до маленького порта, который весь состоит из нескольких обшарпанных корпусов, пластиковой билетной будки да убогого яхт-клуба, в это время года пустующего. Возможно, летом здесь появится пара-тройка яхт каких-нибудь эксцентричных туристов, уставших от гомона южных вод, лазурных лагун и раскаленных пляжей. Или случайно забредет в это безрадостное место кто-нибудь вроде нас – беспокойный, вечно жаждущий новых приключений, с рюкзаком, набитым дешевыми китайскими супами в пакетиках. И что увидит? Край света, где, оттолкнувшись от безлюдной набережной, время разочарованно поворачивает обратно к материку и без сожаления покидает это место, столь упорно длящее свое существование. Чем год 1946-й отличается здесь от 1976-го, а тот, в свою очередь, – от 2000-го?

Эрик осел здесь много лет назад, пережив до этого множество славных и бесславных приключений. Еще раньше, давным-давно, он бежал из своей страны – одного из этих серых, плоских, коммунистических государств – и, будучи молодым эмигрантом, нанялся на китобойное судно. Тогда в его распоряжении имелось несколько английских слов, в диапазоне от «yes» до «по»³⁸: ровно столько, сколько требуется для нехитрых возгласов, какими обмениваются суровые матросы. «Бери», «тяни», «режь». «Быстро» и «крепко». «Хватай» и «вяжи». «Блядь» и «ебать». Для начала достаточно. Как достаточно оказалось сменить имя на простое и всем понятное – Эрик. Избавиться от того шипящего тупа – все равно такие звуки никто не в состоянии выговорить правильно. Как достаточно оказалось выбросить в море папку с документами, аттестатами зрелости, дипломами, свидетельствами об окончании курсов и привив-

³⁸ Да, нет (англ.).

ках – здесь они без надобности, в лучшем случае могут смутить других моряков, вся биография которых укладывается в пару долгих рейсов да похождения в портовых кабаках.

Жизнь на судне полощется не в соленой морской воде и не в пресной дождевой – и даже не в солнечных лучах, а в адреналине. Нет времени предаваться раздумьям над тем, чего уже не исправить. Страна, где родился Эрик, была далекой и не слишком приморской: доступ к морю она получала редко, от случая к случаю. Морские порты лишь тревожили ее покой, она предпочитала города, расположенные по берегам безопасной, скованной мостами реки. Сам Эрик совсем не тосковал по родным краям, ему куда больше нравилось здесь, на севере. Он планировал поплавать пару лет, подзаработать, а потом выстроить деревянный дом, взять в жены какую-нибудь Эмму или Ингрид с льняными волосами и воспитывать сыновей – то есть мастерить вместе с ними полавки и разделявать морскую форель. А еще позже, когда накопится ладная стопка приключений, начать писать воспоминания.

Эрик и сам не понимал, как вышло, что годы помчались по его жизни напрямик, неведомые и призрачные, не оставляя следов. Они запечатлевались разве что в его теле, особенно в печени. Но это было позже. После первого же рейса Эрик на три с лишним года угодил в тюрьму: бесчестный капитан втравил команду в контрабанду – их взяли с контейнером сигарет и крупной партией кокаина. Но и в тюрьме, вдали от дома, Эрик был поглощен делами морскими и китобойными. В тюремной библиотеке нашлась только одна книга на английском языке – видимо, оставленная кем-то из осужденных много лет назад. Это было старое издание, начала века, с хрупкими, пожелтевшими страницами и многочисленными следами повседневной жизни его читателей.

Эрик, можно сказать, обеспечил себе три с лишним года (приговор и так нельзя было назвать слишком суровым, – учитывая закон, действовавший всего в ста морских милях от места, где застукали команду: там им всем грозила бы смерть через повешение) бесплатного совершенствования языка, курс английского для продолжающих – литературно-китовый, психология и путешествия в одном учебнике. Отличная методика, не позволяющая слишком разбрасываться. Спустя пять месяцев наш герой уже декламировал приключения Измаила на память, с любого места, и говорил словами Ахава, что доставляло Эрику особое удовольствие, поскольку сей способ самовыражения показался ему наиболее естественным и адекватным, словно чудная и старомодная, зато удобная одежда. Какая удача, что эта книга оказалась в этом месте и в руках этого человека! Это явление, психологами путешествий именуемое синхроничностью, есть доказательство осмысленности мира. Доказательство того, что в этом волшебном хаосе повсюду протянуты нити значений, сети диковинной логики, а те, кто верит в Бога, могут увидеть в них причудливые следы папиллярных линий Его перста. Так полагал Эрик.

Итак, в далекой экзотической тюрьме по вечерам, когда тропическая духота не давала вздохнуть, а разум терзали тревога и тоска, Эрик погружался в чтение книги, сам словно бы превращаясь в закладку между ее страницами, испытывая совершенно особое наслаждение. Без этого романа он бы не выдержал тюремного заключения. Сокамерники, контрабандисты вроде него, часто слушали, как он читает вслух, и вскоре приключения китобоев увлекли их. Пожалуй, выйдя из тюрьмы, они бы даже могли продолжить изучение истории китобойного промысла, писать диссертации о гарпунах и оснастке парусников. А самые способные – достичь высшей ступени посвящения: специализироваться в клинической психологии в области различного рода персевераций. Вся эта троица – Матрос с Азорских островов, Матрос-португалец и Эрик – любила переговариваться на им одним известном языке. Они даже ухитрялись обсуждать на нем низкорослых и узкоглазых стражников:

– Кровь и гром! Парень что надо! – восклицал, к примеру, Матрос с Азорских островов, когда один из тюремщиков тайком передавал им пачку подмокших сигарет.

– Я разделяю твоё мнение. Небеса неизреченные да благословят его.

Им это нравилось, потому что новички поначалу мало что понимали и выступали в роли чужаков: таким образом создавалась иллюзия жизни в социуме, без этого элемента невозможная.

У каждого в книге были свои излюбленные фрагменты, и, согласно установившемуся ритуалу, Эрик ежевечерне их декламировал, а публика хором подсказывала концы фраз.

Однако главной темой бесед на их все более совершенствуемом языке оставались море, путешествие, отплытие и препоручение себя воде, являющейся (к такому выводу пришли сокамерники после многодневной дискуссии, достойной пресократиков) важнейшей стихией земного шара. Товарищи Эрика уже намечали маршруты, которые приведут их к дому, воображали картины, которые увидят в пути, мысленно слали родственникам телеграммы. А как заработать на хлеб? Все трое наперебой делились идеями, но, по правде говоря, все они так или иначе касались одного, ибо сокамерники Эрика, сами того не осознавая, оказались заражены, инфицированы, встревожены мыслью о белом ките. Они знали, что не все страны отказались от китобойного промысла, и хотя труд этот утратил описанный Измаилом романтический ореол, лучше все равно не найти. Говорят, можно наняться к япошкам. Что такое ловля трески да селедки по сравнению с охотой на китов... Все равно что плотник супротив столяра...

Тридцати восьми месяцев достаточно, чтобы во всех деталях обсудить с товарищами будущую жизнь: подробно, пункт за пунктом. Споры возникали только по пустякам.

– Глаза твои на лоб! Вспомни, что я тебе говорил про торговый флот. Трижды осел, и мул, и баран! Я тебе объяснил, что такое китобойный промысел, – что, передумал уже? – орал Эрик.

– Да что ты видел на этом свете? – вопил в ответ Матрос-португалец.

– Я прошел вдоль и поперек Северное море и Балтийского хлебнул. Атлантические течения знаю, как собственные жилы...

– Чересчур ты самоуверен, старина.

Так они пикировались – скорее для порядка.

Десять лет заняло возвращение Эрика домой, причем ему явно повезло больше, чем товарищам. Эрик шел кружными путями, через периферийные моря, по самым узким проливам и самым широким заливам. Бывало, устьем реки он уже лизал открытое море, уже всходил на корабль, который должен был доставить его домой, но тут вдруг подворачивалась оказия – как правило, в противоположном направлении, – и, после минутного размышления, Эрик неизменно приходил к выводу, что Земля круглая и не стоит об этом забывать, придавая направлениям слишком большое значение. По-своему он был прав: для человека Ниоткуда каждое движение есть возвращение, ведь нет ничего притягательнее пустоты.

За эти годы он успел поплавать под панамским, австралийским и индонезийским флагом. На чилийском грузовом судне перевозил в Штаты японские автомобили. Пережил крушение южноафриканского танкера у берегов Либерии. Перебрасывал рабочих с Явы в Сингапур. Заболев желтухой, валялся в каирском госпитале. Когда в Марселе ему в пьяной драке сломали руку, несколько месяцев капли в рот не брал, зато потом в Малаге надрался до потери пульса и сломал вторую.

Не будем углубляться в детали. Нас не интересуют перипетии морских скитаний Эрика. Лучше взглянем, как он ступает наконец на берег острова, который позже возненавидит, и нанимается на маленький примитивный паром, курсирующий между островками. От этой унижительной – по его собственным словам – работы Эрик высох и словно бы поблек. Темный загар навсегда исчез с его лица, оставив после себя коричневые пятна. Виски поседели, морщины сделали взгляд пронзительнее и резче. После этой инициации – весьма болезненного удара по самолюбию – Эрика перевели на более ответственную должность: его новый паром связывал остров с материком, не был скован тросами, а широкая палуба вмещала целых шестнадцать автомобилей. Служба давала постоянный заработок, медицинскую страховку и возможность спокойно существовать на этом северном острове.

Утром Эрик вставал, умывался холодной водой и пятерней расчесывал седую бороду. Затем облачался в темно-зеленую форму общества «Объединенные северные паромы» и пешком отправлялся в порт, где бросил якорь накануне вечером. Вскоре кто-нибудь из береговой obsługi, Роберт или Адам, открывал ворота, и вот уже первые автомобили выстраивались в очередь, чтобы по железному трапу въехать к Эрику на паром. Места хватало всем, случалось даже, что паром пустовал – чистый, легкий, задумчивый. Тогда Эрик забирался в свою кабину, подвешенную высоко над палубой, сидел в этом застекленном «вороньем гнезде», и ему казалось, что другой берег совсем рядом. Не лучше ли выстроить мост, чем заставлять людей суетиться и мотаться туда-сюда?

Все дело в состоянии духа. В распоряжении Эрика их было два. Одно ощущение – пронзительное и болезненное, – будто он хуже всех, лишен того, чем обладает любой другой человек, в сущности, извращенец, сам не догадывающийся, что с ним, черт возьми, не так. Он чувствовал себя одиноким изгоем, словно наказанный ребенок, который сидит у окна и наблюдает игры счастливых товарищей. Эрику казалось, что судьба отвела ему слишком мелкую роль в хаотических странствиях человечества по суше и по морю, а теперь, на острове, выяснилось, что он и вовсе статист.

Пребывая же во втором расположении духа, Эрик ощущал себя лучшим из лучших, единственным, выдающимся. Казалось, ему одному дано почувствовать и понять истину, ему одному суждено бытие нетривиальное и исключительное. В этом позитивном душевном состоянии ему порой удавалось продержаться часы и даже дни – тогда он бывал, можно сказать, до некоторой степени счастлив. Но это настроение кончалось, словно алкогольное опьянение. Похмелье приносило ужасную мысль: чтобы в собственных глазах выглядеть достойным уважения человеком, ему приходится постоянно дурачить людей при помощи двух этих способов, и – что всего хуже – однажды правда раскроется и выяснится, что он, Эрик, – пустое место.

Эрик сидел в застекленной кабине и наблюдал за погрузкой на первый утренний рейс. В основном это были хорошо знакомые ему местные жители. Вот семья Р. в сером «Опеле»: отец работает в порту, мать – в библиотеке, дети, мальчик и девочка, школьники. Вот четверо подростков, учатся в лицее, на том берегу их заберет автобус. А вот Элиза, воспитательница детского сада, с маленькой дочкой, которую она, разумеется, берет с собой на работу. Отец малышки скрылся в неизвестном направлении года два назад и по сей день не дает о себе знать. Эрик подозревал, что парень плавает где-нибудь на китобойном судне. Вот старик С., у которого больные почки и которому два раза в неделю приходится ездить в больницу на диализ. Они с женой пытались продать свой деревянный, почти вросший в землю домик и перебраться поближе к больнице, но ничего не вышло. Грузовик магазина «Экологическое питание» – едет на материк за товаром. Какой-то незнакомый черный автомобиль – видимо, гости к Режиссеру. Желтый фургончик братьев Альфреда и Альбрехта, которые с холостяцким упорством разводят овец. Пара озябших велосипедистов. Фургон автомастерской – наверное, за запчастями. Эдвин помахал Эрику. Этого уж ни с кем не перепутаешь ни на одном острове – всегда в клетчатой рубашке на искусственном меху. Эрик знал их всех, даже если видел впервые – знал, зачем эти люди сюда приехали, а зная цель путешествия, можно догадаться о многом.

Причин, заставлявших людей переправляться с материка на остров, было три. Во-первых, человек мог попросту жить здесь, во-вторых, мог быть приглашен Режиссером, в-третьих – хотел сфотографироваться на фоне мельницы.

Поездка занимала двадцать минут. Некоторые пассажиры вышли из машины и курили, хотя, вообще-то, это запрещалось. Другие стояли, навалившись на перила, и просто смотрели в воду, пока их укачанные взгляды не привлекал другой берег. Еще минута, и, возбужденные запахом суши, своими суперважными планами и обязательствами, они исчезнут в улочках,

отходящих от набережной, растают, словно девятый вал, который, забравшись дальше всех, впитывается в землю и уже никогда не возвращается обратно в море. На их место придут другие. Ветеринар в элегантном пикапе (стерилизация котов приносит ему неплохой доход). Экскурсия школьников – под руководством учителя природоведения они будут изучать флору и фауну острова. Фургон с бананами и киви. Телевизионщики, которые должны взять интервью у Режиссера. Семья Г., навещавшая бабушку. Еще одна пара заядлых велосипедистов – вместо тех, утренних.

Во время разгрузки и погрузки, занимавших почти час, Эрик выкуривал несколько сигарет и пытался не поддаваться панике. Потом паром возвращался на остров. И так восемь раз, с двухчасовым обеденным перерывом – обедал Эрик всегда в одном и том же баре, предпочитая его двум другим, располагавшимся по соседству. После работы он покупал картошку, лук и грудинку. Сигареты и алкоголь. Старался не пить до полудня, но к шестому рейсу уже порядочно набирался.

Прямые линии – до чего же они унизительны... Как уродуют разум... Что за коварная геометрия, превращающая нас в идиотов, – туда и обратно, пародия на путешествие. Сдвинуться с места, чтобы тут же вернуться. Разогнаться, чтобы немедленно притормозить.

Так случилось и с браком Эрика, коротким и бурным. Мария была разведена, работала в магазине и имела сына-школьника, жившего в городе, в интернате. Эрик переехал к ней, в ее симпатичный, уютный домик с большим телевизором. Мария отличалась красивой фигурой, пышноватыми формами, светлой кожей и носила обтягивающие легинсы. Она быстро научилась готовить картошку с грудинкой, сдабривая ее майораном и мускатом. Эрик же все свободное время с энтузиазмом рубил дрова для камина. Это продолжалось полтора года; потом его стал раздражать постоянный шум телевизора, яркий свет, тряпка возле входной двери, на которую полагалось ставить грязную обувь, и, наконец, мускат. Несколько раз, напившись, он стал витийствовать и угрожать матросам, после чего Мария прогнала его, а затем переехала к сыну на материк.

* * *

Первое марта, первый день Великого поста. Открыв глаза, Эрик увидел серый рассвет и мокрый снег, оставлявший на стеклах смазанные следы. Он подумал о своем прежнем имени. Эрик почти совсем его забыл. Произнес вслух – такое чувство, будто его позвал другой человек. Голову после вчерашней выпивки стягивал хорошо знакомый обруч.

Да будет вам известно, что каждый китаец имеет два имени. Одно дают родные – им пользуются, чтобы подозвать ребенка, отругать, отчитать, приласкать. Но повзрослев, ребенок получает новое имя – внешнее, для большого мира, имя-личность. Он надевает это имя, словно униформу, стихарь, тюремную робу, парадный костюм. Это имя должно быть практичным и легко запоминающимся. Теперь оно становится визитной карточкой человека. Удобнее всего – имена универсальные, всем понятные, всеми узнаваемые. Долой местный колорит, долой Олдржихов, Сунг Инь, Казимежей и Иржигов; долой Блажен, Лиу и Милиц. Да здравствуют Майкл, Джудит, Анна, Ян, Сэмюэл и Эрик!

Но сегодня, когда прежнее имя окликнуло его, Эрик отозвался:
– Я здесь.

Никто не знает этого имени, так что и я не стану его называть.

Мужчина, которого называли Эрик, надел зеленую форму с эмблемой «Объединенных северных паромов», пригладил пятерней бороду, выключил отопление в своем, почти вросшем в землю, домике и зашагал вдоль шоссе. Потом, сидя в кабине-аквариуме и ожидая, пока

закончится погрузка, а солнце наконец взойдет, он выпил банку пива и выкурил первую сигарету. Помахал сверху Элизе и ее дочке – приветливо, словно бы желая вознаградить их за то, что сегодня они не попадут в детский сад.

Паром отплыл от острова, он был уже на полпути к материку и вдруг, качнувшись, двинулся в открытое море.

Почти никто не понял сразу, что произошло. Некоторые пассажиры так привыкли к рутине прямой линии, что глядели на тающий вдали берег равнодушно и тупо, самым решительным образом подтверждая пьяную теорию Эрика насчет того, что использование паромов выпрямляет извилины. Но через некоторое время кто-то заметил неладное.

– Эрик, что ты вытворяешь? Немедленно возвращайся! – крикнул Альфред, а Элиза добавила высоким писклявым голосом:

– Люди же на работу опоздают...

Альфред хотел подняться к Эрику в кабину, но тот ее предусмотрительно запер.

Сверху он видел, как все одновременно достали мобильники и принялись звонить, нервно жестикулируя и что-то возмущенно восклицая в пустоту. Эрик догадывался, что говорят люди. Мол, они опоздают на работу, и кто, интересно, компенсирует им моральный ущерб, и вообще, нельзя брать на работу таких пьяниц, они всегда знали, что добром это не кончится, рабочих мест для своих не хватает, а тут всякие иммигранты – даже если язык хорошо выучат, все равно...

Все это Эрика совершенно не волновало. Он с удовлетворением отметил, что через некоторое время люди успокоились, разошлись по своим местам и стали наблюдать, как проясняется небо, а из промежутков между тучами льются в море волшебные снопы света. Беспокоило его только одно – ярко-синее пальто Элизиной дочки: любой морской волк знает, что это дурная примета. Однако Эрик поморгал и перестал об этом думать. Он взял курс на океан и принес пассажирам ящик кока-колы и шоколадных батончиков, которые заранее припас для такого случая. Это, видимо, их успокоило: дети притихли, всматриваясь в удаляющийся остров, а взрослые стали проявлять интерес к путешествию.

– Какой у нас курс? – профессионально поинтересовался младший из братьев Т., икнув после кока-колы.

– Сколько времени нам понадобится, чтобы выплыть в открытое море? – хотела знать Элиза, воспитательница детского сада.

– Горючего хватит? – любопытствовал старик С., тот, у которого были больные почки.

Во всяком случае, Эрику казалось, что они так говорят. Он старался не смотреть на пассажиров и не волноваться. Взгляд Эрика цеплялся за линию горизонта – темнее, чем вода, и светлее, чем небо, – и теперь она рассекала надвое его зрачок. Впрочем, люди тоже успокоились. Надвинули на лоб шапки, потуже завязали шарфы. Они плыли почти в полной тишине, пока ее не разорвал рокот вертолета и вой полицейских моторок.

* * *

– Есть вещи, которые происходят сами собой, есть путешествия, начинающиеся и заканчивающиеся во сне, есть путешественники, отзывающиеся на смутный сигнал внутренней тревоги. Именно такой человек сегодня предстал перед вами... – так начал свою речь защитник на коротком судебном заседании по делу Эрика. Увы, его проникновенная речь не произвела должного впечатления, и некоторое время наш герой снова провел в тюрьме; надеюсь, не без пользы для себя. Для него ведь все равно нет другой жизни, кроме этой – колышущейся, взятой взаймы у моря и его неисповедимых приливов и отливов.

Но это уже не наше дело.

Однако если бы в заключение этой истории кто-нибудь пожелал развеять свои сомнения относительно всей правды и только правды... Если бы схватил меня за руку, нетерпеливо дернул и воскликнул: – Заклинаю тебя, скажи – по твоему глубочайшему убеждению, правдива ли эта история? Прошу извинить мою излишнюю настойчивость... – я бы извинила и ответила: – Да поможет мне Бог; честью своей клянусь, что история, которую я поведала вам, дамы и господа, правдива по сути и в общих чертах. Я точно знаю, что произошла она на нашем земном шаре, более того – я сама стояла на палубе этого парома.

Полярные экспедиции

Мне вспоминается то, что вспоминал как-то Борхес – будто бы он где-то вычитал, что пасторы в период становления Датской империи объявляли в храмах: душа участника экспедиции на Северный полюс легче обретет спасение. А поскольку желающих было маловато, добавляли, что предприятие это долгое и трудное, не каждому по плечу, только смельчакам. Но добровольцев все равно больше не находилось. Тогда, чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, священнослужители уточнили свой призыв: в сущности, полярной экспедицией можно считать любое путешествие, даже небольшую прогулку или поездку – к примеру, на городском извозчике.

А сегодня, вне всяких сомнений, – даже поездку на метро.

Психология острова

Согласно психологии путешествий, остров представляет собой наиболее архаический, наиболее ранний – досоциальный – этап развития человека, когда личность уже достаточно индивидуализировалась, чтобы достичь определенного уровня самосознания, но еще не вступила в полноценные отношения с себе подобными. Состояние острова – не нарушенное внешними воздействиями пребывание в границах своего «я», род аутизма и нарциссизма. Самостоятельное удовлетворение всех потребностей. Реальность в этом случае представлена одним лишь «я»; «ты» и «они» – смутные фантомы, летучие голландцы, на краткий миг показывающиеся вдали, на горизонте, – не более того. Возможно, это просто абберация взгляда, воспитанного на прямой линии, симметрично разделяющей поле зрения на верх и низ.

Подчистка карты

Я вымарываю со своих карт то, что причиняет мне боль. С них исчезают места, где я споткнулась, упала, где меня ударили, задели за живое, где у меня что-нибудь болело. Таким манером я стерла несколько больших городов и одну провинцию. Возможно, однажды мне придется стереть целую страну. Карты воспринимают это с пониманием, они тоскуют по белым пятнам, по своему безмятежному детству.

Порой, если мне случалось вновь оказаться в этих исчезнувших местах (я стараюсь не быть злопамятной), я обращалась в глаз, передвигающийся в призрачном городе подобно привидению. Небольшое усилие – и я могла бы просунуть ладонь в самый мощный бетон, пройти по самой многолюдной улице, сквозь ряды машин – целой и невредимой, бесшумно.

Я не делаю этого, принимая правила игры местных жителей. Стараюсь не открывать им территории иллюзии, в которой бедолаги пребывают – стертые. Буду улыбаться и поддакивать. Зачем морочить людям голову – уверять, что они не существуют.

Устремиться за ночью

Я плохо спала, если оставалась в чужом городе всего на одну ночь. Мегаполис медленно остывал, затихал. Я застряла в отеле авиалиний – стоимость номера была включена в цену билета. Ждала утра.

На тумбочке лежала голубая пачка презервативов. У кровати – Библия и изречения Будды. К сожалению, вилка электрочайника не подходила к розетке – что ж, обойдусь без чая. Впрочем, может, сейчас пора пить кофе? Мое тело понятия не имело, что означает время на часах радиоприемника, стоявшего на тумбочке, хоть цифры и международные, пусть даже арабские. Желтое зарево за окном – занимающийся рассвет или скорее сумерки, сгущающиеся в ночь? Трудно сообразить, что такое эта часть мира, над которой вот-вот появится или только что зашло солнце, – восток или запад. Я сосредоточенно подсчитывала часы в самолете, помогая себе картинкой, которую однажды видела в Интернете: земной шар и линия ночи, движущаяся с востока на запад, словно огромный рот, методично заглатывающий мир.

Площадь перед отелем была пуста, вокруг закрытых лотков перелаивались бездомные псы. Должно быть, середина ночи, решила я наконец и, не выпив чаю и не приняв душ, улеглась в постель. Однако в моем личном времени, времени, которое я вожу в своем мобильнике, был ранний вечер. Поэтому не стоило наивно рассчитывать, будто мне удастся уснуть.

Завернуться в одеяло и включить телевизор – без звука, пускай себе шелестит, пульсирует, бормочет, жалуется. Выставить вперед пульт, словно дуло пистолета, и палить в центр экрана. Каждый выстрел убивает один канал, порождая другой. Но моя игра заключается в том, чтобы следовать за ночью, выбирать только те программы, которые транслируются оттуда, где сейчас царит мрак. Представлять себе земной шар и темный шрам на его плавной покатости, доказательство древнего преступления; шрам от дерзкого разделения сиамских близнецов – света и тьмы.

Ночь никогда не кончается, всегда властвует над какой-нибудь частью мира. За ней можно следить с помощью телевизионного пульта, можно искать станции, находящиеся в зоне тени, в темной впадине ладони, которая поддерживает землю, час за часом сдвигаясь на запад – страна за страной. И тогда обнаружится интересный феномен.

Первый выстрел в гладкое бездумное чело телевизора открыл канал 348 Holy God. Передо мной возникла сцена распятия, фильм шестидесятых годов. Брови у Богоматери были аккуратно выщипаны, а у Марии Магдалины под блекло-голубым сермяжным платьем явно надет корсет – видно, что это неудачно раскрашенный черно-белый фильм. Большая грудь – коническая, неестественно высокая; осиная талия. Уродливые воины, смеясь, делили одежды Иисуса, потом пошли кадры со всевозможными природными катаклизмами – казалось, их вырезали из программ о природе и как есть вмонтировали в фильм. Вот тучи, стремительно сгущавшиеся, молнии и небеса, устремленная к земле воронка, смерч, перст божий, принявшийся выписывать на поверхности суши завитушки. Потом разъяренные волны бились о берег, обезумевшие воды в щепки разбивали парусники (весьма убогие декорации). Извержения вулканов, огненная эякуляция, наверняка способная оплодотворить небо, но, увы, лава лишь бес- сильно стекала по склонам. Пламенный экстаз обернулся обычной ночной поллюцией.

Хватит. Следующий выстрел. Канал 350 Blue Line TV: мастурбирующая женщина. Кончики пальцев скрывались между стройными бедрами. Женщина с кем-то беседовала по-ита-

льянски, говорила в микрофон, закрепленный на ухе: длинный язычок слизывал с ее уст каждое итальянское слово, каждое «*si, si*» и «*prego*»³⁹.

354 – Sexsatelita 1: на сей раз мастурбацией занимались две скучающие девушки, их смена, видимо, подходила к концу, потому что они даже не скрывали усталости. Одна с помощью пульта настраивала снимавшую их камеру, в этом смысле девушки были абсолютно самодостаточны. Время от времени они, похоже, вспоминали, что от них требуется, и тогда на лицах появлялась гримаса – глаза прикрыты, губы полуоткрыты, – но всего на мгновение. И опять они становились унылы, рассеянны. Никто им не звонил, несмотря на призывные арабские титры.

А вот откуда ни возьмись – кириллица: Книга Бытия кириллицей. Слова, возникшие внизу экрана, явно были проникнуты пафосом. Иллюстрацией служили горы, море, облака, растения и животные. По 358-му показывали избранные сцены с участием какой-то порнозвезды, молодца по имени Рокко. Я задержалась там на мгновение, заметив у него на лице каплю пота. Выполняя фрикционные движения над какими-то безвестными ягодицами, он уперся рукой в бок – казалось, парень старательно разучивает движения самбы или сальсы: и-раз, и-два.

На 288-м – Oman TV – читали Коран. Так я думаю. Красивый, совершенно непонятный узор арабских букв плавно бежал по экрану. Хотелось взять его в руку, потрогать, прежде чем задумываться о смысле. Расправить спутанные завитушки, разгладить эти письмена, превратить в безмятежную прямую.

Очередной выстрел – и моему взору предстал ораторствующий темнокожий священник, которому паства с энтузиазмом вторила: «Аллилуйя».

Ночь заставила стихнуть шумные и агрессивные информационные, метео- и киноканалы, отстранила дневную суету мира и принесла облегчение, какое дает простейшая система координат: секс и религия. Тело и Бог. Физиология и теология.

³⁹ Да, да, пожалуйста (*ит.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.